

1733

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1729

СКИТЪ

МАНЯВСКИЙ.

ПѢСНОТВОРЕНІЕ ЭПИЧЕСКОЕ

ОСНОВАНЕ НА ПОВѢСТЕХЪ ПРОСТОНАРОДНЫХЪ РУССКИХЪ.

сочинене

² Антошемъ ³ Любичъ ¹ Могильницкимъ.

Plan

ЧАСТЬ I.

ВЪ ПЕРЕМЫШЛИ.

въ Книгопечатни [№] соборной русской Баптилы.

1852.

СЕНТ

МАРИИ

ИСТОРИЯ

ОТЪ ИСТОРИКА И ПИСАТЕЛЯ
ИЗЪ СЕНТ

СЕНТ

ИСТОРИЯ

СЕНТ

ВЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ

1852

ЕГО

ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ

ГОСПОДИНУ

Г Р И Г О Р І Ю

Я Х И Ш О В И Ч У ,

РУССКОМУ ЕПИСКОПУ

ПЕРЕМЫСКОМУ, САМБОРСКОМУ И СЯНОЦКОМУ,

ЛЕОПОЛДА ОРДЕНА КОМАНДОРУ,

ДОКТОРОВИ СВЯТОГО БОГОСЛОВІЯ И ЛЮБОМУДРІЯ,

бывшому Профессорови и Ректорови почести-

тельному Всеучилища Львовского, Управи-

телю Селинаріи гр. к. и проч

128515

БЛАГОРОДНѢЙШОМУ ПОКРОВИТЕЛЕВИ

И ИСКРЕННѢЙШОМУ

ЗАСТУПНИКОВИ

ИМЕНИ РУССКОГО

съ глубочайшимъ почтеніемъ

посвящаетъ

Сочинитель.

Сѣдон Бувадьцины — мрачныхъ преподаній
Отгомонъ — въ простолюда повѣстехъ укритый :
Начеркъ дѣлъ, — курганами густо присыпанный,
Притемнѣлый подъ ржею звышь пяти столѣтій :
Путеводникъ въ померкши, — колись ясни свѣты
По довгѣи мрачнѣи ночи — первый бряскъ поранній ;
Зъ подъ згарищъ и розвалинъ звѣстунъ выдобытій ;
Будущины надѣиной, яснѣишихъ познаній !
Сія въ китицю сплетши, мовь первѣснокъ въ Маю ,
Славѣ ТВОЕИ, Свѣтлѣишій МУЖУ ! посвящаю !

Помянники старины буквами счеркнени,
Котрыми вѣки славы такъ рѣсно брищали :
Въ мурахъ крѣпкихъ городовъ, — въ лаврахъ хоронени,
Скорше насъ, якъ просоѣе лестне, попращали :
Батыя 1) тьмы гордѣ дикихъ, и Татарѣвъ тучи,
Скропивши дѣтей Руси кровію — загоны, —

Погасили жестоко благихъ свѣтелъ лучи,
 Покрыли свѣтъ пріятный грубыми заслоны:
 Въ Кіевѣ золотавомъ, — въ Галичи славимомъ
 Сокровище народне съ густымъ зникло дымомъ!

Умолкли и Боянѣвъ сладкострунни гусли,
 Що славовъ Отцѣвъ нашихъ грѣмко гоуонѣли;
 Недолевъ розстроени, охрипли — потрусли, —
 Въ сумненькій тоскъ, весели пѣсни измѣнили:
 Изгнани чужиною зъ Вельможей палаты,
 Сироты при Матери, — странни при Своинѣ
 Смирно въ крайномъ притулку, у сельской хаты
 Старинъ згадку тоскливу — ховають до нынѣ,
 И якъ въ лѣсѣ, — пѣдъ снѣгомъ бервѣнокъ зеленый,
 Хранять биссеръ народный ѳгъ вѣчныхъ забвеніи.

Когда ще зависть доли и предувѣдженій
 На имени и словѣ народнѣмъ тяжила: 2)
 Придавяла первѣстки умственныхъ движеній
 Якъ корень зернѣ скѣлченныхъ перемерзла брыла;
 Когда нани смирѣнки, и невинни труды
 То блисли, — то темнѣли, — якъ звѣздка зъ за хмары:
 Здавали — съ Суностатамъ: — дики страхопуды,
 Повни цѣлей укрытыхъ, — и лестной привары; —
 Тогда — мѣ снайшолъ бодрственный щитъ ходотайцы
 Въ ТВОЕМЪ умѣ прозорномъ, и въ крѣпкой десниці.

Котри-жь тогда корысти Духъ ТВОЙ убодряли
 Съ твердымъ — общимъ предсудомъ жестокою бороти?
 Чи подшенты Байрату? чи имперіалы?
 Мерзении плоды глуздовъ, безчестной голоты! —
 Любовь ревна — собственныхъ далека предстрастій,
 Къ подвигамъ родолюбнымъ споясавши чресла:
 Щобы имя и слово родимое спасти,
 Щожь ТЕБЬ, крѣмъ упрековъ горестныхъ, принесла?
 Да исчезнуть прокляти творцы сея ложи!
 Хтѣвши въ гудехъ згасити чувства пламень Божій.

Яко дымъ да исчезнуть! — яко воскъ стаяють!
 Враги, котри обмановъ лести и облуды
 Подвигамъ ТВОИМЪ вредницѣли подкладають,
 Хулеми умаляютъ общей пользы труды!
 Що-сь здѣлалъ въ ходота йствѣ при Австрійскомъ Өронѣ,
 Заступниче! во пользу народныхъ движеній! —
 Яко ясна на русскомъ зоря небосклонѣ
 Не згаснетъ вовѣкъ вѣка Духъ ТВОЙ, и ТВОЙ Геній!
 Помянникъ въ сердцахъ правыхъ безсмертно жиюцій,
 Сплететь ТИ Муза русска вѣнецъ невянуцій!!

-
- 1) Батый вождь гордь Монгольскихъ, о половинѣ 13го столѣтія южной Руси земли люто опустошившихъ.
  - 2) Въ лѣтахъ 1838, 1839 и 1840, коли подъ покровительствомъ Его Преосвященства, яко тогдашнего Ректора Сѣменища Львовского, получились-

но только свободы, — що удалось родимымъ словомъ явно и торже-
ственно промовити, и гденешо напечатати. Зобачь: Вѣвка Руснякъ,
Часть II. такожь: Привѣтствованія Его Преосвященству Кирь Василю
Поповичу, Еппу Мункачевскому, въ день поставленія на Епископство
1838. и Его Царскому Высочеству Ерл. Гер. Францъ Каролу, во время
присутствія въ Львовѣ 1839. мною сочинени и печатани.

СКИТЬ МАНЯВСКІЙ.

I.

Ахъ недоде! щожъ ся стало?
Где ся наши пѣсни дѣли,
Пѣсни золотыи!
Думовъ русскихъ, чомъ такъ мало?
Ци на вѣки завѣмѣли
Красни думы тыи?
Ци съ вѣтрами полетѣли?
Якъ подѣ темной хмары гущу
Соколъ сизокрылый?
Ци съ вихрами пошумѣли
Въ темни боры, — въ дику пущу
Тамъ ся вѣчно скрыли!
Ци якъ жовтый листъ явора,
Цвѣтъ зовялый на калинѣ
Геть съ водовъ поплыли?
И заплыли ажъ до моря,
И втопили у глубинѣ,
Гдежь ся пѣсни дѣли?
Ци якъ гомонъ, — що гдесъ въ лузѣ
Отдобьеть ся, — и скончае,
Перегомовѣли?
Ци якъ зоря въ крайнѣй смузѣ
Обозритъ ся, — и сховае,
Гдежь ся думы дѣли?
„О Русалкахъ — Красицихъ
„Трїехъ дѣвахъ — седмъ кернищяхъ,
О девяти зоряхъ!
„О Езерахъ, — о Дунаю,
„О Язьовъ далекомъ краю,
„И о синихъ моряхъ!
„О Буняку солудивомъ
„О твердомъ Мадеа ложи,
„О Книгини бѣлѣй!
„О заклятомъ Орлѣ сивомъ,
„О каплющей слезы — рожи
Гдежь ся думы дѣли?

„О Богданъ, — и Нечаю,
 „О Небабъ — и Лободъ,
     „Зъ Ниширова Савъ;
 „О старомъ Отцевъ звычайю,
 „Золотыхъ времянь свободъ,
     „О Козачой славъ!

Не пытаймо, — щоб' свѣтлицъ,
 Щоб' доборни вечерницъ
     Щось о нихъ повѣли!
 Тамъ чужинась присвоила,
 Все родиме придавила!
     Гдежъ ся думы дѣлч?

Ахъ гадалбысь: тии думы,
 Пѣсни тоски, — и тревоги,
     Любощей — надѣи;
 Переживши лютость джумы,
 Мечей Крыжскихъ, — и пожоги
     И дибы тяжкіи!

Скоротивши лановъ стафъ
 И наставниковъ нагафъ,
     Утискъ и недолю;
 Усмиривши гордость братьей,
 Застарѣлый ладъ проклятый.
     И тверду неволю;

Нивѣ! — гдѣбы лишъ думати,
 Чувствовати, — и спѣвати
     Ревно и по своему:
 Виануть, — тихнуть, — и дримають
 Въ млавый гомонъ занѣмають
     Въ своѣмъ родномъ дому.

Съ Боянами, — що спѣвали,
 Съ торбацами, що гравали
     Пѣсни думы милч,
 Мовъ лѣтами похизеви,
 Спочивають привадени,
     Гдесъ въ сумѣй могилѣ!

ХІІ.

ІІ.

На могилѣ, — на зеленѣй
Зазуленька сива сѣла,
Закувала пѣснь вселеннѣй,
И свѣтами полетѣла;

Але пута тои пѣсни
Сумно ревна, — и глубока,
Що за серце тосковъ тисне
Вылуджае слезы зъ ока;

Скрось могилы темни стѣны,
Аж на дно ся геть пробила:
Тѣнь покойну, Творца пѣннѣй
Бандурысты пробудила:

И поднесъ ся — стагъ на ноги,
Повель окомъ до окола;
Зъ грудей тоску и тревоги
Вытхнулъ слово изъ провода:

„Краѣ тѣни опускаю, —
„Чей загадку вамъ розвяжу:
„Где суть думы — пѣсни? — скажу!
„И васъ скоро попрацаю;
„Бо въ живыхъ миѣ скучно краю —
„И о пята въ могилѣ ляжу!

„Повстанъ гусле! зъ темной трупны,
Гдесъ со мною спочивала!
„Настрой снова сребрни струны,
„Щось неразъ при свѣглѣ луны,
„Пѣсяямъ — думамъ второвала,
„Любвѣ, — славѣ — тоскамъ грала!

„И тронулъ пальцами сѣбло,
„Сребрни струны, — що го знали,
„А ихъ звуки съ словомъ мило,
Въ складный гаморъ ся золяли,
И зачали пѣснь спѣвати
Якъ ей нынѣ не чувати:

(Сія слѣдуе при второй Части сего пѣснотворенія).

Почтенный Читателю!

Въ іодѣ шягару долговременного лишенія, забвенія, розстроенія и запускбнія, выдобувае ся нынѣ пробуждена словесность русска, такъ тяженько и иволи; якъ зб іодѣ заморози и снѣгу первый распѣ весняный, кошрого шо хошяй облесни лучи полудневного сонця хвиляли до жшя пробуждають, — однакожь доібкающій пошягъ сѣверного вѣшра, и докучливи приморозки снова валяють и часто пригололмшають. Кшо довольно свѣдомый всѣхъ шыхъ неіриязненныхъ намѣ обешояшельствѣ, кшо знае ближше, безъ предувѣденія и предешрасшя, состояніе и долю мужей оного чина, шо нынѣ шой новоуправляемой грядочѣ отечесивеннѣи, знапнѣишихъ дѣлашелей, шому зб грузей и розвалинѣ двигающому ся Храмови словесности народной, ревнѣишихъ служителей ошредѣляе; — шому не буде дивно, шо реченець оголошеного сего дѣла такъ далеко, — даже вѣ другу іозну зиму загналъ ся! Но принайлібе, Богу благодареніе, шо іодля словѣ нашей при-

повѣдки, хоть: „Що ся проволокло, — не утпекло,“; а шакъ хопяй не одному зъ Всечестныхъ Предлапшителей розлични солнѣванія гадки пересувались, — чей насъ несхопшящъ посудити, що искушаючи силы наши въ поѣзи родимой, чимъ борше хвапилисьмо ся оного присловія: „Поешамъ всьо свободно! — а шакъ може и минути ся съ правдою, и не додержати данного слова и пошановленного речинця! Ахъ нѣ! воистинну! бѣльшу важкѣсть чувствуемо при шѣмъ слѣвъ ового Рымлянина: „*Adsint Maecenates, non deerunt Flacce Marones!*“ що по нашому, майже шакъ бы звучало:

„Кобы намъ хлѣбъ насущный легши дневни працы!

„Сталбы ся не оденъ зъ насъ Вѣргиль и Горацій.

Однакожь и сію перепону хладнокровою поспѣяннѣстію переборовим, передаю Всечест. Обществу русскому, первый сей плодъ умствennyй бѣльшого объема, съ шимъ смиреннымъ прошеніемъ, щобысьше якъишнубудь погрѣшности и ошибки брашною любовію исправиши, и онымъ перебачиши благоволими: зацо чимъ далѣй ревнѣйшиимъ и шочнѣйшиимъ шрудолобіемъ умнымъ поблагодарити не залишу; шрогою бо кришккою моглибысьше первѣстни движенія наши, якъ весняну росшину шугимъ морозомъ придавши! Чувашую и я шое, що намъ до совер-

шенности еще такъ далеко, якъ далеко шра-
вици, добувающей ся зъ землѣ лона до шоишоры,
щобы зъ нею шяжкій, повный колосъ къ земли
пригинался! Но кшожь зъ насъ виновашъ, що
намъ до недавна гѣрка судьба, до храма роди-
мои словесности ворѣша зачтивши, майже со
всею вхѣдъ переиняла? Пѣсношвореніе „Скишъ
Манявскій“ основанъ ешь на повѣсшехъ, якъ
пѣдслухаша придарыло ми ся зъ усьхъ нашего про-
шого народа сельского, межикопрылѣ лѣша мои
дѣтинни въ сосѣдствѣ шогожь Скиша прожилѣ-
емъ. Якимъ образомъ народъ нашъ, приоданія
бувальщины переходуе, якъ ихъ передяе пошом-
ности, якъ чувствуе и думае, якъ знашнѣиши
случаи природы и дѣланій челѣвчеськихъ по-
нимае, шое сохраниши, и вѣрно бѣдаши, было
и ешь моимъ искреннѣишимъ желаніемъ; про
шое, о скѣлько возможно, и правиламъ доброго
вкуса несошрѣтивно, сшаралѣемъ ся, не ошдаля-
тись бѣшъ нарѣчія шрѣшнародного, яке въ цѣ-
лой восшочной Галичинѣ во обще ушотребляе
ся; а где конечно пришадало задержати такъ
зовимымъ Повѣшовщины: н. п. слова чисто гѣр-
ски, гуцульски, — шимъ въ прилѣчаніяхъ по воз-
можности изясниши не залишаю. — Зъ дорогоцѣв-
нои намъ Старословеньщины Церковнои, кошра
лимъ вироchemъ не ешь чужая, ушотребляю
шолько шынъ слова, кошри часто и въ устахъ
народа сушь обыкновенни и зрозумѣли, хороню

ся однакожь связей конструційныхъ Старословенскихъ, бо шны выговоръ и помятіе протшолодина русскаго совсѣмъ перевыжшають. — По мнѣнію моему Старословенщина въ отношенію къ бесѣдѣ просто народной есть то неизчерпаемый источникъ словъ чисто классическихъ подобный богащолу складови доборного и дороговѣнного матеріалу, зѣ копрогу, рука виравного майстра, пошребни и здѣбни части добераши и нилми будовли, пѣдля новѣйшого вкуса вибшиій видѣ и усшроеніе надавати можешѣ; однакожь наслѣдоваши формлы конструційни и синтаксични зѣ шолжѣ Старословенщины, былобы нынѣ совсѣмъ непракшыческимъ и неушточнымъ; бо кшожь нынѣ въ бесѣдѣ жиющей упошребляе где шакѣ зовимыи: „*Ablativum absolutum*, н. пр. *Калени заечашилвину...?* або *Dativum Graecum?* на пр. *Дверемъ затвореннымъ*, и ученикомъ собранымъ — або число подвойне: *Numerum dualem?* н. пр. *зидѣста, слышаста, наю, и ш. под.* — Про шое отношеніе шое Старословенщины къ бесѣдѣ жиющей малоруской есть майже шое самое, шо языка классическо-старогреческаго къ нынѣшнему жиющему Ново-еллинѣзлови: кшо хоче пошшущи въ словесности новогреческой, долженѣ ознакомиши ся съ старымъ классицизмомъ, и може шилъ новую словесность подкрѣпляши; но промовляши нынѣ языкомъ Гомера, Геродота и иныхъ,

до Сойма народного въ Ашенахъ, до кушцей Коринтскихъ, рыбарей Салямійскихъ або масшырей Аркадскихъ, былобы прецѣль дивоглядомъ! Слѣвъ и выговора высокороссійскихъ совсѣмъ охороняю ся, бо пишу для чипашелей Малорусскихъ! а слыбыль, якъ гденекопори зъ нашихъ, и шо непослѣдни чипашеліе шворятъ, хтѣль прилѣшати слова швердороссійкин. и. ир. какъ, эшо, и одлинникъ, и ѣжрый и ш. под. мусѣлыль до моего Поемашту прилучити шакожь Грамлаштуку и Словарь Россійскій; а шакъ хтѣвши любилымъ родимцямъ подати кусокъ шипшого свойского хлѣбця, мусѣлыль иль на передѣ шпучни зубы вставляти, бо иѣсь, до копори зрозулѣнія принуждени былыбы Русины Галицкіи въ Словаряхъ Шлѣдша и инныхъ провѣдника глядѣши, ци былажбы шо иѣсь наша? Воистинну! ошлѣны, якъи здѣлали на языкѣ Россійскѣмъ въ шеченіи времени, окружающія го нарѣчія: фінское, чудское, шаптарское и инни, чинятъ шогожь нарѣчію Малорусскому шакъ далекиль, якъ далеко ошшошѣ Ураль отъ Бескида.

Подобножь и отъ Польонизмовѣ хоронити ся было завсѣгда моимъ искренѣйшимъ желаніемъ. Но ктожь зъ насъ пережившій лѣша дѣштинни и младенически въ нисшихъ и высшихъ наукахъ подѣ переважымъ вліяніемъ Ляховщины, може шѣтъ изкоренити до разу навикненія

лѣшъ многихъ? кто осмѣлившійся подѣ шягарель спорцомъ падающихъ лучей солнечныхъ зможенъ до разу побѣлѣши? И кошрый кришкъ упрекающій намѣ Полонизмы лжно во-лѣ лежи русске слово вкрадшійся, поважшѣся вже нынѣ, чисшылъ себе именуя вергнуши на насѣ камень осужденія? — Воистинну! Ошношеніе Руссиновѣ къ Польцимѣ снаходишѣ въ Песторіи Народа Израильского вѣрный образецъ и прилѣбрѣ приличный: Ахазъ Царь Юдскій живущій въ тяжкій враждѣ съ Аразомъ Царемъ Сирійскимъ зѣ Далашка, поклонялъ ся и жершвовалъ Идоламъ Сирійскимъ; а побѣжденъ и угнѣшенъ ошѣ шыхже Сиріановѣ, поклонялъ ся Идоламъ Ассирійскимъ; щобѣ шолько не единому и правому Богу Ошцѣвѣ своихъ! кошрого пресвѣшлый Храмъ въ Іерусалимѣ съ шогордою розказалъ замкнущи! Ци не подобнажѣ была ему до недавна больша часть Руссиновѣ? ци неподобнижѣ сущѣ прелноги ще и нынѣ, що шо съ усерднымъ милованіемъ готшви и здобни учшши ся кождого инного языка, кобѣ лишь не родимого своего! а ошѣ кого наибольше угнѣшенія зазнали, шого языкомъ ирмовляшши лубуюшѣ, и нимѣ ся величаюшѣ. —

Правописи шрилато ся по возможности штой, яка у нашихъ шеперѣшнихъ, середнои улѣркованои дороги держащихъ ся шисашелей, по большои часати естѣ упошребляема и розширена.

Не выступаю яко *Идіота* и *Перестроитель* (*Reformator*) съ новыми помыслами *Грамматики* и *правовисы*, *якихъ* вже въ нашихъ часахъ такъ много черезъ зрѣлице переминуло, и слѣду по собѣ не лишивши, но шакожь, яко *человѣкъ* пользующій ся *шпюмымъ* *любніемъ* и *пересвѣдченіемъ*, немогу *челомъ* низко бити *передъ* *указами* *гденекотрыхъ* *Диктапторовъ* *Грамматикальныхъ*, и *Геробѣвъ* *азбучныхъ*, що *якісь* *шамъ* *свои* *сновидѣнія*, або що *горше!* *присвоени* *переміцтовани* *спадцины*, *славою* и *именемъ* *давно* *уже* *упокоившихъ* *ся* *писателей*, *иннымъ* *яко* *неопровержимый* *законъ*, и *зеркало* *неошибности* *накинути* *силують* *ся*, *нехотящигъ* *покорити* *ся* *Самоуками* *прозивають*, — а въ *Грамматикахъ* *своихъ* *часно* *густо* *издаваемыхъ* *густыми* *противорѣчіями*, *шпюму* *будовлю*, *дѣло* *рукъ* *своихъ* *розваляютъ*. *Віючи* *ся* *яко* *Мишарь* *въ* *груди* *исповѣдаю* *ся* *сокрушеннымъ* *сердцемъ*, *що* *и* *я* *самоукъ!* *бо* *училъ* *емъ* *ся* *ру-*
щины *въ* *шыхъ* *часахъ*, *коли* *не* *було*, *где*, *ошѣ* *кого*, *и* *зѣ* *чого!* *про* *шое* *самъ* *своимъ* *шрудолубіемъ* *и* *пиль-*
ностію! *горджу* *ся* *шымъ* *краснымъ* *именемъ*, *и* *всѣмъ* *чеснымъ* *и* *шрудолубивымъ* *братіамъ* *Самоукамъ* *братное* *цѣлованіе* *пересилаю*; *но* *о* *шомъ* *ширше* *и* *подробно* *при* *слѣдующихъ* *ча-*
стехъ *сего* *дѣла* *шобесѣдовати* *гадаю*; *а* *шымъ* *часомъ* *хочу* *съ* *инными* *смиреномыслящими* *ждаши*, *ажь* *колись* *чей* *зѣ* *погрѣшностей* *и* *о-*

шибокъ нашихъ, сли писати не залишило, выключесть ся правда, а на ей подставѣ дастъ ся сочинити совершенна Грамматики, и образцеви правила правописи малорусской.

Що касаетъ ся содержания внутреняго, желаніемъ моимъ было начертнути хоть вусильнѣй образецъ Поезіи народной, бо поезія есиѣ нерозлучимымъ свойствомъ народа малорусского, и майже неотступающа шоваринка простолюдина во всякихъ ошлбнахъ доли и хвиляхъ жишя, ошѣ колыски ажъ до гроба; и перебивае ся въ ивснехъ, повѣснехъ, казкахъ, пришовѣдкахъ и обрядахъ при розличныхъ случаяхъ рординныхъ и шоваринескихъ, радосннхъ и сумныхъ, якъ шая легонька и лавина, кошру хощяй балваны и ливуцу часто подѣ воду нурияющѣ, однакожѣ ошѣ воды легкша, ушонуши не може! Але отрасли шои Поезіи народной, порозкидани сямъ и шамъ, якъ благовонни самородни цвѣшы помежи буряны, хабнича и шерня по буйныхъ русскихъ нивахъ, и якъ золоти або шни дорогоцѣбными круицы часто съ грузею смѣшани, ожидающѣ шрудолобивою и шравною руки, кошрабы ихъ въ красну кбатицу посбериши, связаши, зѣ шерня и грузи очистиши и въ цвѣтуцелѣ зѣлнику родиломъ и лекати умѣла. Колись шо, но давно вже дуже, и мѣла Русь славушна, своихъ народныхъ Швецей, Бояновѣ, Бандурышовѣ и Гуслярей, кошру на подобіе

Трубадуровъ Провенсальскихъ, або Нѣмецкихъ Minnesänger, иутьшесшвуютъ зъ хашы до иалашы по лѣспахъ и селахъ, сибвали славу рыцарей, любви молодѣвъ и дѣвицъ, и всякѣи знашнѣншій случаи, въ природѣ, або межѣ народомъ приключившійся; ивѣни шія, думы, повѣсти и казки, выголошали родимымъ чистымъ словомъ русскимъ, а шакъ поезія, бшѣ языка маперняго неоплучаема, была первою подвалиною и коренемъ словесности и народности русской! — Вбра Хрѣстова по обряду восточному заведши Богослуженіе народнымъ языкомъ, шолько шій мѣншій первобышного язычества истребила, кошти правилами и догматамъ явно соотрѣшвляли ся; а обряды и шыхже касающія ся ивѣни и повѣсти, — чистому Вбры менѣе мущаящія, народомъ лишила; зъ шого Поезія народна новый и шо значительный возрастъ приобрѣла, бо зъ гденекотрыхъ преподаній хрѣстіанскихъ утворили вѣщунны и басношворцы народны, шакъ зовимы Лѣгенды, еъ котрыхъ гденещо зъ вбры со сшадщиною язычества слѣшали, и зъ шого одну цѣлосць утворили. Въ шой послѣднѣй ошрасли, народъ рускій яко повсегда релѣгійный больше надъ ии собѣ любуе, а шои шо барвы ешѣ шакожь нынѣшне ивѣношвореніе „Скишѣ Манявскій.”

Прекрасный Храмъ словесности вообще, а иоименно Поезіи народной, колись межѣ Русинами въ полношѣ и великолѣбію сшавшій, —

въ печеніи времени почалъ ныдѣти и упадати, такъ, що нынѣ майже лишь яко въ згарницахъ и розвалинахъ чимъ колисъ былъ, сумно посвѣдае; бо кромѣ немногихъ помянникѡвъ письменами начертаныхъ, кромѣ мимоходоу киненои згадки о нихъ въ гденекотрыхъ Липовицяхъ, нынѣ майже исключно зъ свѣдѣльцѣхъ палашовѣ вельможей и по части зъ свѣдѣльцѣхъ середнои вершивы вышерста, шѡлько шѡдѣ низковѣ селянина сирѣховѣ, послѣдній снайшла припулокъ! Неприязненнїя влїянїя внѣшнїя, и причины внутренни шого сумного произшесствїя выслѣдити и довольно освѣтити, буде задачей розговорѡвъ, при часшехъ слѣдующихъ сего дѣла. — Храму шой неможе до днѣши свѣплѣсти инымъ образомъ двигнути ся, якъ шѡлько сли, шорозкидани частки шыхъ згарницѣхъ и розвалинѣхъ шосберати, и шобы былъ шакїй, якъ шервый, зъ шакого самого матерїалу и шымъ самымъ искусшомъ шводити, — будовати и шпрошати не зашшимо! — Явнїй про шое доказъ, що каждый любштеля роднои словесности, кошрый въ шобѣ дарованїя до сего кмѣтуе, швшѣвшимъ ешть званїемъ, шервнш шѡдвалины начертанного въ будущнѡсш Храма словесности народнои, шшгребанїемъ, шберанїемъ, и шлеканїемъ Поезїи народнои, закладаши; бо безъ шыхъ крѣпкихъ, родныхъ шѡдвалинѣхъ, — цѣла будовля — не наша, мусѣлабы ся колибати, — и шередѣ часомъ ушасш! Всѣ шобрашшнїци наши, шлемена

Славенски, пробудивши ся зъ шзердого, сну многхъ сшолбшій до нового жишя улштвенного шылъ а не шнылъ живошбши, и розвалившій ся Храмъ словесности народнои, ни ново шпроши розиочинали; — а що шюю дорогою въ кблъкохъ дешакахъ лбшъ зайшли дуже далеко, — а насъ засоромленныхъ зъ заду лишили, — ешь шю голосно знакомою и насъ очевидно поучающею правдою, — и усердною пересторогою, щобы и мы наше величественне предириняшье зъ бшшамъ розиочинали! Принужденни сло шерикую правду соббъ сказаши, щосьмо въ шблмъ званію доси не далеко посшущили; що однакожь не шбшй причинб, якобысьмо влжкбсь его запбзнавали, або шбшй биссеръ народный низько цбнили, але по бблшбшй части обстоятельствамъ непрязненнымъ завдячши годишь ся! Зб шомежи досить численныхъ шисателей нашихъ, дарованіями Поезії знакмшыхъ, и доси гденекошрыли сочиненіями иля свое Руси обяввишихъ, многи на шое бездорожье сшбгнули, що въ русски слова, и въ шшучный, вымозолений и пригладжешый стихъ, чужи чувства, чужи образы, подобія, соравненія и пришовбдки приодблм, и шое шбдмешча русскою поезією прбзвали, що шакъ съ правдою згаджае ся, якъ слибысьмо чорного мурина, або лбдянои лиця барвы Американку, въ сбракб, ошанчу, — перембашку и сукману прибрали, межи Руссинбвъ замбшали, а шшблмъ хшблм ирисягою удостовбрши, що они сущь

Руссины родили! — Ниши до повижинихъ непреличносшей ще и шуро додали, що чуже лице въ не свои шашы ирїодѣли, — чужки гадки и чувствва, словами зѣ словарѣвъ не малорускихъ выгребаными, народови цѣлколѣ незнакомыми, выголошени, — швердыми дыбали Прозодїи польскои, нѣмецкои або высокороссїйскои сшунали, и той илодѣ рабского наслѣдованїя, дѣшнїюю свободного и чувствителного ума малорусского именовани несоромѣюць ся! якѣ видимо ирилѣрѣ въ якїйсь шалѣ Грамлаптыцѣ, недавно Руссиналѣ накинениѣ, где иравила Прозодїи зѣ лашиньского и нѣмецкого Сшиля живцелѣ ирїсвоени, и улалки сшїхотшворенїй Поешовѣ шшашскирѣ и салоновыхъ заграничныхъ, Вѣшталѣ малорусскилѣ яко единшвенный наслѣдованїя дошшониѣ образецѣ нашпручаюць ся — Якѣ иерець индїйскїй або рижѣ шшалийскїй всѣяншый и въ найбуиншїишу Галицку шшву, неprozябне, недѣзрѣе, не иогудуе и не збогашшшѣ земледѣлца русского; — штакѣ подобни илоды Поезїи не зайлушѣ умѣ и не розгрѣюшѣ чувствволѣ грудѣ Руссина, хшба що на шихѣ, якѣ на гладонки, але безживотни фѣгуры гшсшови обояшшно ихладнокровно поглядати буде! И нащожѣ, якѣ мовшшѣ наша ирїповѣдка „До керницѣ воду ляти?“ На що налѣ чужого, коли въ народѣ нашѣмѣ снаходимо шакѣ богати засобы матерїалѣвъ до ирѣкрасныхъ Поезїй народныхъ? — Пѣзнали шшое

хотѣть по частини гденекошри зъ нашихъ, свѣту мало ще знати, но правому сердцю русскому дороги и мена: на пр. иок.: Маркіана Ш. — Николы зъ Ник.: Далѣбора В. сочинителя „Жулина и Калиты, Мадея, и под. — Якова Г. сочинителя Надднѣстрани и под. Р. М. шворца „Сиравы Клекоштиньской и инни, кошри въ своя не многія, но ревныя шбенотворенія, чистоту малорусского языка, и чувство русской души переляли! Поклѣшували богатство того сокровища народного и обрашчыны наци, Поляки; а незабвенный въ помяникахъ словесности русской, Вацлавъ зъ Олеска, звернулъ шервый общее вниманіе на шоежь, — собраніемъ шбеней галицко-русского народа. Сумный шо, вошшину! доказъ дрѣмошы улмои лежи Русинами, шо шервый шой возбудишель до житія словесного хотѣнн на земли русской не Русиномъ именовалъ ся, а ще сумнѣишій, шо въ шыхъ самыхъ временахъ гденекошри зъ просвѣщенныхъ Русиновъ, захавши шѣлокъ свою, — въ словесности, а имено въ Поези польской ошлчія глядѣли! Познали богатство того сокровища народно-русского и инни шисатели польски, но съ великимъ оскорбленіемъ шогоже: бо коли помянушій собирашель Вацлавъ зъ Олеска шбени русски въ шѣ шшомѣй одежи: въ языкѣ рускомъ ошдалъ, и шмъ шѣну и шля русское призналъ; — инни нашомѣстѣ яко: Зоріанъ Ходакоскій, Войцѣцкій

ченія подкрѣпляешъ шое, що у всѣхъ народѣхъ, ошъ найдавнѣйшихъ временѣхъ, поезія была первѣйшимъ объявленіемъ жишя умственнаго. Старши сущъ авсношворенія поетическія Гоммера, Гезіода и Орфея башъ прозы Геродота, Туцидѣта, Аристошеля и ини у Грековъ; первая Исторія Римска Еннія написана была стихами; а наши шобрашители Поляки докѣ ихъ шисали старыхъ класиковъ рабско наслѣдовали, дошы слѣло можна шовѣсти, народнои словесности не мали, бо мозольни и високоучени шыхже и.оды умны, шѣлко высшимъ училищамъ, и людемъ высшего сословія и просвѣщенія были присшунни и зрозулѣли; а шѣлому загалови народа были чужими и мершвыми! Ажъ якѣ новѣйшии ихъ шисатели сокровище поезій народныхъ достоітно оцѣняти, кѣшки благовошвѣшши и краси зѣ неи вышерани, и своимъ таланшомъ, искусствомъ и дошешностию, шо въ шоединчи кштыцѣ, шо въ общій вѣнокъ валѣшати шочали, ошъ шогды у нихъ словесности и просвѣщеніе народне скорѣйшимъ шагомъ шосшунати шочало. Шо однакѣ до своихъ шербешковъ народныхъ шребогашо русскихъ прилѣшали и пришвоили, о шѣлѣ вже выше речено, и при шѣлѣ шомнущи незавадишъ шой удивительный прилѣбрѣ Логики польскои: шо, коли ихъ поэты шочиненіемъ думѣ зѣ жишя народно-русского присшоеныхъ, вѣнецѣ гремящой славы вѣ народѣ поль-

скѣмъ собѣ пріобрилъ ; инни ихъ писашели, якъ тамъ якійсь зъ найновѣйшихъ въ розговорахъ своихъ, о народѣ малорусскомъ, лица дѣлающія : Героевъ шыхъ думъ буншовниками и рѣзунами прозивати не соролѣюшь ся.

Сія загаломъ о важности, цѣнѣ и необходимости пошребѣ плеканія поезіи народнои ! О розличныхъ ошрясляхъ шожь, о свойствахъ каждой зъ нихъ, и о влѣянніи на умственное и нравственное жишїе народа русскаго, ѡткладаю розговоры ширши и шочнѣйши до слѣдующихъ частей ! Далекій есмь ѡтъ того честолюбнаго мнѣнія, якобымъ хотѣлъ нынѣшному моему сочиненію поетическому, якій шибудь степенъ удачности признати, або шое комусь за образъ наслѣдованія напшучати ! Знаю я ажъ надшо добре, що, и кѣлько намъ ще недостае, але, заложивши руки, ждаши, доки щось совершеннаго, классическаго не появишь ся межи нами, былобы смѣшнымъ, — ба и безумнымъ ; бо где нема матеріалу зъ грубою шрѣски обшесанаго, тамъ не буде що сосшругомъ на гладко шаругати ! и шюдѣю ся, що любилши Родимци, пошшеніи Чинашеліе сего шѣсношворенія, маючи на взглядѣ, мовѣ дѣшншчій вѣкъ нашои словесности шешербшшои, шочушь погадаши, що : „Кождый шочашокъ есаш шяжкшій” — и шцшрую волю за самое дѣло шилъ часомъ шриняши ! Отъ шого шо благосклоннаго шриняшїя, захоша до дальшихъ шредиршншшїй

и шрудовѣ на поли словесности и засолодженія всякихъ приключиши ся могущихъ шерикостей зависѣти буде. А вы брашя! сошрудники на шойже запусѣлой родимой нивѣ, неупадайте духомъ бодрости, и неумлѣвайте на силахъ: сбераймо и обрабляймо якѣнибудѣ, хоть видомъ мало знакомиши уламочки шыхъ сокровищъ народныхъ, — а словесность наша въ народѣ укоренившаяся, кошра пережила враждебни насилія инноплеменникѣвъ, мечей Монгольскихъ, яссира Крылского, ѣдѣ фанашызма релѣгійного, и Махиавелизма политическаго ѣшѣ побрашимѣцѣвъ на племя наше изливаемый, — пережіе за помѣщю Вышняго и нашою постоянностію шакожѣ упреки и досажденія нынѣшнихъ мудрагелѣвъ, шагѣ побрашимѣчихъ, яко и своихъ ошштуникѣвъ, и двигне ся колись въ Храмъ великолѣпный, въ шѣнистую деревину, кошра чей колись народѣ русскій овощами и вонями яснѣйшого познанія, просвѣщенія, челности, благоправности, а черезъ нихъ лучшою долѣ, посилкувати и укрѣпляти буде.

Писалѣмъ въ Комаровѣ, въ мѣсяци Сѣчню
1852.

Нижайшій

Сочинитель.

**КОМУЖЬ СТРУЕВЬ
ДИВУЕ**

ВВЕДЕНІЕ.

Комужъ не знана Подгѣрска краина? 1)
Где по надъ ровень Бескидъ ся спинае:
Где крута Клива и Попада сина 2)
Зъ бокѣвъ норами двѣ рѣчки пускае?
Двѣ рѣчки чисти — блиски якъ сестрыцѣ —
Дно мають срѣбрне. — кристалеви лицѣ,
Зъ матери лона чимъ борше втѣкають,
По оболоняхъ, — по лугахъ гуляють;
Потомъ случени въ одну: двѣ Бистрыцѣ 3)
Съ Днѣстромъ синенькимъ сердечно-сь стискають. —

Комужъ незнана Манявы 4) долина?
Красовъ удачновъ здѣбна ѡгъ природы:
Где зъ скаль шумячи, — стрѣмко летять воды,
Ватажкѣвъ пѣсьми звинить полонина.

Комужъ незнаный надъ Манявки 5) струевь
Болдурь, що сумно въ долинь стремить?
Що всѣхъ дивуе, — вабитъ сгадковъ своєвь,
Ще зъ межи свалиць знакомитый Скить? 6)

Що то за муры, тесани зъ оноки,
Где въ пѣль звѣниця, и башта цѣла?
Где штука, — рѣчки муромъ сперти боги
Каменнымъ мостомъ до купы свела! —
А решта въ грузахъ! — Келли, — пивницы
Густо гадючій вырѣвають плѣдь!
Безъ оконъ, дверей — безъ стрѣли свѣтлицы,
Зъ Божого мѣстця мхомъ зарослый слѣдь! —
Зъ межи нихъ густо бурянъ вырастае,
Гдеколись сумно пугачъ загуде;
Нѣбы ся мертвыхъ розвалинь пытае:
„Чи ту вже давне житье не буде?“
Щось подорожный думае глубоко,
Сперль ся на свалищъ примшеный порѣгъ,
Влѣпилъ цѣкавый въ мертви грузы око,
Чейбы ся зъ нихъ що довѣдати мѣгъ!
Але! — на дармо! камень не промовить;
Грузы не скажутъ уплынувшихъ лѣгъ!
А думка давне житье чи ѳтновить,
Сли стерта надпись на пристѣнкахъ зъ плыть?
Потѣкъ срѣберный, що муры полоче,
Щось гомонить и мерчить къ берегамъ,
Але намъ правду сказати не хоче,
Сумный лишае округъ мурѣвъ самъ!
Сосны, смереки, — буки и илицы
Ведуть шумящій съ вѣтромъ разговоръ;
Але слова ихъ, тайни небылицы, —
Не освѣтлятъ намъ въ тмѣ занершій дворъ!
То вжежь на вѣки, се величне дѣло,
Маеъ покрыти непрозрѣнна тма?
То вже на вѣки въ сумрацѣ ся скрыло,
Вже до тыхъ таниъ приступу не ма?
Таку я думку втои думалъ долинь,

И слезнымъ окомъ до кола повѣлъ ;
А въ томъ подъ гущевъ въ зеленой лѣщинѣ
Схилену - мь постать человекъ взрѣлъ. —
Веремя було погодне и мило :
Гейбы позлѣтковъ небо прикрасилъ,
Солнце ся звѣлна къ вечеру хилило ,
Сумракъ зъ долины горѣсь пѣдносилъ !
Лишь горбѣвъ щиты ще ся румянѣли ,
Ромѣнь по лѣсѣ сумно - сь розлягалъ ;
Бо итички въ гнѣзда сь пѣсеньковъ летѣли ,
Съ думковъ въ кошару скѣтъ ватагъ зганялъ ! —
Сблизусь — сь поклономъ старця повитаю ; —
— Красно ѡтрекши , голову схилилъ :
Зъ лица и зъ ока щирость му читаю ,
И милость правды зъ простодушныхъ слѣвъ. —
Старѣсть глубока къ земли го схилила ,
Костуръ зѣвали кости пѣдиралъ :
Рѣдонькій волосъ снѣгомъ побѣлила , —
Що рече слово — тяжко ѡтдыхалъ.

РОЗМОВА СЪ СТАРЦЕМЪ.

- „Скажѣтъ ми Отче , где Ваша хатина ?
„Що Васъ подъ вечеръ сюда привело ?
„Где Вашъ пребытокъ , где Ваша родина ,
„Чи сеся пустка , — чи блиске село ?
„Скажѣтъ старенькій , — можесьте свѣдоми ,
„Кто сеси муры крѣпко збудовалъ ?
„Кто въ тыхъ свѣтлицяхъ , въ томъ каменнѣмъ домѣ ,
„Кто , — коли , докѣль , — мирно перебувалъ ?
„Скажѣтъ сивенькій , — слибы сте умѣли ,
„Кто сеси муры люто розвалилъ ?
„Где ся тутейши жители подѣли ,
„Кто весь добытокъ зъ ѡтси рѣсточилъ ?

„Чи страшный перунъ зъ злобременной хмары
„Громовымъ жаромъ хутко спопелилъ?
„Чи горди Турки, — чи дики Татары, —
„Чи котрый ворогъ все то погубилъ?
„Чи джума стяла, — чи Крымска неволя
„Загнала газдовъ въ тяженькій яссиръ?
„Чи Добушевыхъ легѣнѣвъ сваволя,
„Чи може дикій ихъ розшарпалъ звѣрь?
„Може стрясли ся землѣ подвалнины,
„И такъ каменный муръ ся сколисалъ?
„Скажѣтъ любенькій, зъ якои причины
„Все ся то стало, — щобымъ ся дозналъ!
Бо въ жадныхъ письмахъ, анѣ въ жадной книзѣ
„Споминки — мь наветь о томъ не знайшолъ;
„Щосьте где чули тутъ въ сосѣдномъ близѣ,
„Скажѣтъ! щобымъ съ нѣчѣмъ не ѳтишолъ!”

* * *

„Гостеыку милый! — Нѣмъ сказати зможу,
„Сядьмо си побѣчь на мягкій облѣгъ!
„Най слаби кости на спочинокъ сложу,
„Бо-мь сюда идучи дуже изнемогъ!
„Зъ бесѣды виджу, — щось честна дѣтина,
„Человѣкъ насъкин, — правый Крестянинъ,
„Хоть хребеть крѣе ляцька жупанина,
„Мусишь ты быти правый русскій сынъ!
„Отжежь ти скажу, що самъ добре знаю, —
„Щомъ чулъ тутъ бувши — гожий молодець; —
„Бо ще въ Псалтырѣ начеркнелый маю
„Скита початокъ, возрастъ и конецъ. —
„Чи видишь онде надъ берегомъ хатку,
„Що бѣкъ ся въ землю низко похилилъ?
„Тамъ я родилъ ся, малъ Отца и Матку,
„Тамъ я краснеыкій, — мирный вѣкъ прожилъ;

„Дѣточки мал-емь и люблю дружину,
„Але ихъ Господь давно вже забралъ; —
„Мене лишили, якъ въ поли былину,
„Щобымъ ще бѣльше нужды тутъ зазналъ!
„Туй, туй девятый десятокъ минае
„Житья мовго уплынувшихъ лѣтъ;
„Ахъ! не една ми бѣда докучае,
„Вже ми ся сприялъ сей нужденный свѣтъ!
„Жію самъ на самъ зъ давного доробку,
„Що-мь за молодшихъ лѣтъ собѣ зложилъ:
„Доки-мь малъ гроши, — газдѣвство, — худѣбу,
„И Церквѣ Божой много лѣтъ служилъ!
„Тенерь-емь вылѣзъ поволеньки зъ хаты,
„И проволѣкъ ся вдовжъ цвѣтущихъ нивъ; —
„Зайшолъ у гуцу хворосту взбирати,
„Щобымъ на вечеръ трохи протопилъ!
„Але для тебе посвящу годину,
„И все, якъ було, вѣрно розповѣмъ; —
„Слухай съ уваговь! а якъ я загину, —
„На вѣчну память — скажи радый всѣмъ!

ОПИСЬ СКИТА ЗЪ УСТѢ СТАРЦЯ.

„Лѣта дѣтинни! ще-мь пасалъ ягнята,
„По лукахъ, — нивахъ — по пѣдъ темный боръ;
„Якъ, що Недѣлѣ, и кожного Свята
„Ходил-емь съ батькомъ въ близкій Монастырь!
„Бо тамъ прекрасна бувала ѡтправа,
„Черцевъ — и міра зъ даля, безъ числа,
„Черезъ що Скита громогласна слава,
„Повздовжъ и въ ширъ ся свѣтомъ рознесла!
„Же-мь булъ цѣкавшій до книжки, — якъ други, —
„Гожій зъ уроды, — тугій хлопецъ зъ силъ, —
„Взялъ мя игумень на свои услуги,
„И въ Монастырѣ самѣмъ намѣстилъ!

„Сѣмь лѣтъ! ахъ! сѣмь лѣтъ щастливыхъ надъ мѣру
„Силою ми въ мурахъ, якъ поранный часъ! —
„Букварь скѣнчилъ-емь, Часословъ, — Псалтырю,
„И Ирмолая наветъ осьмый гласъ!
„Кута не було помеже мурами,
„Где-бымъ щоденне часто не бувалъ;
„Мѣстця не було ѳтъ брамы до брамы,
„Щобымъ го всюди добре не пѣзналъ!
„Всѣ добре тямлю Чернцы, Калауры,
„Бомъ межи ними, — съ ними разомъ жилъ;
„Тямлю якъ нынѣ, бомъ гостинни муры
„Въ повнѣмъ розумѣ, — рослый опустилъ!
„Цѣлый той обшаръ, що нынѣ пустками,
„Цегловъ, камѣномъ, покрытый лежить:
„Зъ долу и зъ гору замыкали брамы,
„Обыймалъ въ коло каменный оплѣтъ. —
„Тамъ, где поточокъ по рѣни шепоче,
„Долѣвъ уноситъ обтрясеныи листь,
„Клала що рана, стягала що ночи
„Чуина стражъ брамы ланцюховый мѣсть!
„Надъ брамовъ муру стерчить половиця,
„Слѣдни на стѣнахъ — блаженни — Иконы. —
„Колись оздобна, проходна звѣнница
„На крѣпкихъ вязахъ, — зегарокъ и звоны,
„Ажъ сумъ побералъ, — якъ разомъ заграли,
„Шутѣли боры, — дудѣли загоны,
„Якъ щодень Вѣрныхъ до церкви скликали!
„Где часть подъ обѣчь приперла восточна,
„Въ звалищахъ мурѣвъ дѣлница стерчить:
„Сумна, — счорнѣла, — и чотыр обочна
„Башта въ спокою, а въ нападахъ щить!
„Чтырма ѳкнами на вскрѣсь геть видочна,
„Зъ ѳтколъ стрѣляли врагамъ на сустрѣтъ!

„Тота будѡвля въ три подра высока, —
„Зъ внутрь ще пьелять ся ѡдламки драбинъ,
„Мачае стопы въ внутрностехъ потока,
„Зъ верха поросла гѣльцами рябинъ,
„Мѣстила въ собѣ богатства многіи,
„Святыи книги, — рызы дорогіи. —
„Тамъ по надъ потѡкъ рядомъ ѡтъ звѡниці,
„А по за браму ажъ на крайный рѡгъ,
„Стояли побѡчь поважни свѣтлицы,
„Чернѡвъ пребытокъ дневный, — и нѡчьлѣгъ!
„По пѡдъ будынки лукомъ засклепени,
„Бѣгли пивницы, якъ норы киртынъ;
„Статкомъ великимъ, густо наполненни:
„Бочками меду, горѣлки и винъ. —
„Винница, — броваръ, — саджавки ложиско,
„Сады овощи, — побѡчь пастѣвникъ,
„Шоны, оборы. а по пѡдъ муръ блиско,
„Мешкаль потребный рядомъ ремѣслникъ.

„Межи мурами, майже въ серединѣ,
„Где бзины нынѣ розложистый лѡмъ,
„С тоялъ прекрасный, — вижу го якъ нынѣ,
„Зъ делынъ кедровыхъ свѣтлый Божій дѡмъ!
„Не мѡй то языкъ, и не моя сила,
„Всю оповѣсти велелѣпоту!
„Що тота церковь красного мѣстила,
„Що за богатство многе было ту:
„Престолъ, Иконы, Крылось, — райски врата,
„Въ блищачихъ барвахъ, — золотомъ важкихъ;
„Истинно! годна Вишняго палата!
„Око и душу тягли къ себѣ всѣхъ!
„Свѣчники, книги, пушки и патины,
„Золотомъ сребромъ, — гейбы облѣнилъ!

„Зь кришталю свѣтломъ обляни стѣны
„Мѣнять ся въ тѣни Херувима криль!
„На коже Свято, шелковыи шаты!
„Прекрасни цвѣты вышивани въ нихъ!
„Моглибы сторцомъ нѣбы плѣтъ стояти!
„Такъ золотый ихъ здобилъ густо шихъ!

„Можесь цѣкавый, ѳткѣль ся набрали
„Таки богатства въ убогомъ Скиту?
„Коли Иноки для Вишняго хвалы
„Пошлюбовали вѣчну нищету! —
„Бувало въ Свято, — якъ ударять въ звоны,
„Пошлють до кола праздниственну вѣсть,
„Тиснуть ся вѣрныи зь каждой стороны,
„Зь далека тягне жертвующій гѣсть!
„И сложилъ каждый богати офѣры, —
„Нѣкто голѣручь въ церковь не вступилъ;
„А такъ ся гроши множили безъ мѣры,
„Скитъ ся богатствомъ многимъ наполнилъ!

„На той зомплѣ, — прогаенномъ лонѣ, 7)
„Що ся схилила ажъ надъ потокъ вся;
„Далеко видна — якъ на Єлеонѣ,
„Стояла Церковь Вознесенія!

„Тамъ, где стрѣмку склезь, густы крѣють боры, 8)
„Где щолбъ надъ дебревь похилилъ ся самъ;
„Въ облакахъ висѣлъ нѣбы на Фавори
„Преображењскій многосвѣтлый Храмъ!

„Далѣй на лысѣй верха прогалинѣ, 9)
„Ажъ при студенѣмъ Скитца жерелѣ:
„На межахъ Бабча, — на Скитскѣй кончинѣ,
„Стояла Тройчна Церковь на скалѣ. —

„Всѣ они мали потребну прикрасу,
„Иконы, ризы, — звоны и весь ладъ;
„Чернецъ ѳтиравы пилювалъ що часу
„При нихъ овоцный буино шумѣлъ садъ!

„А нынѣ всяда заросли дороги,
„Скрѣсь хабникъ ледво до нихъ бысь пролѣзь!
„Дармо калѣчилъ по кремѣню ноги,
„Краса загибла, и самъ слѣдъ исчезъ!
„Теперь ти скажу, — якъ початокъ взяли,
„Кто тоты муры первый позовдилъ?
„Що въ нихъ бывало, — якъ долго стояли,
„Кто и коли ихъ въ рештѣ розвалилъ?“ —

Разъ въ день праздничный, — по долгой работѣ
По службѣ Божой, на трапезѣ въ келли,
Черницы и Гостѣ въ сердечной охотѣ
Бесѣды красни геть до пѣзна вели.
Тогда Игумень съ честновъ бородою
На серединѣ свѣтлой келли сталъ:
Утихомирлъ каждый мову свою,
А Онъ такъ повѣсть о Скитѣ почалъ:

* * *

ПОВѢСТЬ ПЕРВА ИГУМЕНА.

ОСНОВАНІЕ СКИТА.

„Слушайте братья! Лѣтъ сорокъ за мною,
„Якъ ту облѣкль — емь иночески шаты!
„Вѣкъ мѡй хилить ся, — вже надъ гробомъ стою
„Леда дѣнь — хвиля, — треба свѣтъ лишати. —
„Була Лѣтонись, — але гдѣсь пронала; —
„Що зъ неи тямлю. — не можна въ грѣбъ брати,
„Чулъ — емь ѡтъ предкѡвъ — що память сховала, —
„Съ собовъ не возьму, — лучше Вамъ то знати!

„Въ вѣкахъ, коли ще Галицки кранны
„Еваггелія свѣтломъ не сіяли:
„Честь Перунови и Ладѣ богини
„Днѣстра сосѣды въ гаяхъ ѡтдавали; —
„Но межи Славы, — племена язични,
„— Якъ смуги свѣтла вскрѡсь хмары розляни,
„Вже приносили родини розлични
„Въ церквахъ честь Богу — вѣрни христіяны. —
„Тогды полокалъ, Днѣперъ Славутыця,
„Тѣнь святой Лавры, 10) и святи пещеры:
„Золотый Кіевъ, — Русинѡвъ столиця,
„Була колисковъ Христовои Вѣры; —
„А якъ шлетъ слонце лучи золочени,
„Щобы докола пѣтьму розганяли:
„Розсилалъ Кіевъ Иноки учени,
„Щобы Христову церковь розширяли —

Коли Князь мудрый, Ярославъ Великій,
Умножалъ возрастъ въ Иноческѣмъ чину:
Отець Пахомій и братъ Жоанникій
Ишли на покуту за якусь провину
Черезъ розлични племенни языки
На проновѣдъ — геть въ Галицку краину. —
Тогды Игумень, блаженный Антоній, 12)
Воды начерпалъ въ пещерскѣй керниці,
Наполнилъ нею боклагъ просторонный,
И такъ Инокѣвъ выправилъ зъ столицы:
„Благословлю Васъ! Идѣтъ въ Божѣмъ миру!
„Спѣшѣтъ Хрїстово стадо умножати,
„Несѣтъ потѣху, — несѣтъ праву Вѣру
„И до палаты, — и низькои хаты!
„А где прїйдете до чистыхъ водъ здрою,
„Наполниѣтъ ними, таку саму мѣру,
„Бетли на вазѣ переважать мою,
„Тамъ закладайте углы Монастырю!”

Святе було имъ Игумена слово!
Бо послушеньство величить Иноки;
А сердце, — Богу служити готово,
Сокола криломъ вѣоружало кроки!
Святе было имъ проновѣди дѣло,
— И Апостоѣства свѣтлый вѣнецъ славы! —
Злегкшало працы — труды холодило, —
Въ росу змѣняло нѣтъ лица кервавый;
Якъ спѣшати женцы, къ золотому жниву,
Хоть слонце шкварить, — и жнуть въ лица потѣ,
Щобы ся колось не вытрясѣлъ на ниву,
Зъ стебла не выпалѣ, и не згнулѣ въ слотѣ;
Такъ они, — труды довгон гостины
Знесли — и голодѣ и студѣ и спеки,

Змѣрили стоновъ простраъ Украины
Потѣмъ Подѣля ровени далеки,
Обыишли кругомъ Червеиьски Городы,
И Теробовли и Черемышля межи,
Древлянь, Дулибѣвъ, и Бужанѣвъ роды,
Ажъ на Днѣстрове зайшли побережье!
Всюды ихъ хлѣбомъ и сѣлю гостили,
И свѣтлицъ двери, стали имъ отворомъ;
Бо зъ гостинности батьки наши слили,
Но негостинныхъ, — и згадати соромъ!
А правду тую приновѣдь доводитъ:
„Що съ гостемъ разомъ Богъ до хаты входить!“
Не обийшло ся и безъ вражихъ насилій:
Но съ Богомъ идучи — збороли пригоды:
Крестъ возвишали, честь богѣвъ зносили,
Важили съ своевъ по дорозѣ воды! —
Неразъ слезами зайшла имъ зѣниця,
Якъ враждовали на нихъ вороги, —
Якъ жадна рѣчка, потѣкъ и керниця
Недостарчала воды до ваги! —
Недоля вже ихъ ослабляла вѣру:
Гадали въ преки Игумену своему,
Що не заложать нигде Монастыру,
Мусять голѣручь вернути до дому!
Але! кто съ Богомъ, Богъ съ нимъ! и въ дорозѣ
Дѣла слугъ своихъ, — и замыслы знае, —
Въ каждѣмъ груде тху, — въ каждой ока слозѣ
Чисте ихъ сердце, и потреби читае;
Хоть не до разу приходитъ до skutку
Дѣло зачате для Божой хвалы;
Не вкріе стыдомъ, — не занурить въ смутку,
Не дасть щобысмо на силахъ упали!

И ять зъ малои искорки пожога
 Велики села, — мѣста пожегае;
 Такъ рѣчь маленька, — але зъ руки Бога
 До дѣлъ великихъ чудно помагае:
 Инокѣ наши, путь свѣой продолжили,
 По руцѣ правѣой, мавши сини горы:
 Побичь съ Диѣстровымъ ложищемъ гостили,
 По межи сиглы, опѣля и боры;
 Ажъ тамъ, где дочка Бескидѣвъ — Лѣмниця
 Съ Диѣстромъ случае кристалевѣ струи,
 Простерлъ ся Галичь — Пѣдгѣря Столица; 14)
 Повиталъ гостей, — принялъ въ иѣдра свои. —

ОБРАЗЪ СТАРОДАВНОГО ГАЛИЧА. 15).

Тогдышній Галичь, — великій, богатый,
 Обымалъ простраъ на пять годинъ ходу, —
 Вбиралъ ся въ красни — золотыи шаты,
 Богатствомъ ткани зъ гору ажъ до споду;
 Котрымъ сѣяли церкви и палаты
 И тверда крѣпость Князѣвского роду;
 И Владимирка Двѣрь озолоченный —
 При немъ гремяли вѣчеви соборы; —
 Храброй дружины полкъ въоруженный
 Пѣднералъ сильно ажъ Угорски горы!
 Стѣлъ Ѡсьмомысла золотокованный
 Помѣщалъ раду пресвѣтлыхъ Бояръ!
 Переговоры и мира и брани,
 И всякъ домашній тихомирилъ сварь! —
 Съго горговлю, — нибы густѣ хмары
 Вкрывали кунцы зъ различныхъ сторонъ,
 Перепожняли богатствомъ базары,

И несли мѣсту золотый полонъ!
До его княгинь пріѣжджали сваты,
Отъ Царей можныхъ, — и несли поклѣтъ;
Послы далеки, и римски Легаты,
Гостили часто середь его стѣнь!
Твердымъ желѣзомъ покрити Рыцары,
Своимъ заслона, а ворогамъ страхъ!
Разположили супостатѣвъ хмары,
Били Солтанѣвъ въ далекихъ земляхъ! —
— Землѣ столица, — щить межи мѣстами,
Сіяль прекрасно якъ поранна зоря,
Пѣдпералъ сильныхъ Князей раменами,
Владѣль землями отъ Сяна до моря;
Красный и теплый, якъ нова сукмана,
Величалъ, красилъ, — и грѣлъ своего Пана,
Нынѣ сукмана здерта! — сами латы!
Яке дно було тяжко ѳгадати!

НЫНѢШНІЙ ГАЛИЧЬ.

Не той то Галичъ, що го видишь нынѣ:
Кѣлька цегляныхъ хатокъ съ лѣпянками
Порозкиданныхъ по вузкѣй долинѣ,
Тры мѣстця Божи — и жидѣвски крамы!
Не той то Князей укрѣпленный замокъ,
Давной славы рускон ѳтламокъ!
Бо на первой крѣпости звалище
Котрыйсь поставилъ Ляхѣвскій вельможа
Въ вѣкахъ пѣзнѣйшихъ неудачне замчище:
Такъ зѣсталъ плодомъ, — неправого ложа!
Зѣ двохъ сторонъ висять у его пѣднѣжѣ,
Зѣ прутя и глины поклеены хижѣ,

Якъ ластивочи гнѣзда изъ болота
Слабко ся чепять до сухого плота!
Хоть его тыны въ грузы ся рознали,
Ще посылають згадку потомности,
И свѣдчатъ явно, чимъ колисъ бували,
Якъ обнажени зъ тѣлѣ — велитѣвъ кости!
Обдерти зъ блеску, силы и подобы,
Туги заслоновъ густо — съ облякають, —
Минувшой славы вѣчнотрвали гробы
Днесъ до правнукѣвъ сумно промовляють:
Що днешне племя ѡтъ предкѣвъ выродне,
Глинить нужденно при Отцѣвъ могилѣ;
Тайже самого имене негодне,
Якъ червь дрѣбоушкѣй въ мертвѣмъ трупа тѣлѣ!
Лишь Днѣстеръ, свѣдокъ загибшой старины
Ничтожество ихъ сумно обливае;
Якъ стара нешка пустой дѣтины
Поступки гидни, — слезами змивае!
Бо! не тоти днесъ свѣтли Галичане,
Бояры въ радѣ! — а Рыцары въ брани,
Руской творцы голосной славы!
Що криль ихъ скрауе колпакъ соболовый
На нозѣ чобѣтъ жовтый, — сафьяновый,
Гожи, весели, — прекрасни якъ павы!
Въ пурпуры, шовку, прибрани въ фerezѣ
Въ шовковый поясъ, — и сини сукманы,
Китицевъ жолтовъ жупанъ густо тканый
Золото, серебро двигали въ чересѣ!
Нѣбы Князята, Вельможи, — Гетманы!
Часто въ далеки кранны гостили,
То на торговлю, — то на храбри брани
И рука въ руку съ Князями ходили, —
Не тоти нынѣ, свѣтли Галичане!

Нынѣшне племя зъ зерна стокосола,
 Где сафьянъ буль — неразъ пята боса!
 Где здобилъ скрае колпакъ соболовый,
 Днесь малуючи заграничну моду
 Дивнымъ прибагомъ штукують уроду —
 Въ чуждѣй прикрасѣ, удачни якъ совы —
 Где тяжкій чересь, — и поясъ широкій,
 Зъ дорогихъ пювокъ, — зъ гладкой кѣтайки,
 Золотомъ шитый, опережалъ боки:
 Тамъ нынѣ звязка зъ ремью чи крайки!
 Где были футра дороги при шатѣ,
 Перла, рубины, — шмарагды, — коралѣ; —
 Наготу крыють хустины и шалѣ!
 Много пустого, — дешевого платѣ!
 Такъ свѣтлость тѣла пѣтьмою обнята!
 Но ще густѣйша духа прилягае: —
 Зъ велитѣвъ славныхъ, — нечемни карлята!
 Чимъ були предки, — мало зъ нихъ кто знае!
 На Отцѣвъ гробахъ сплють сыны выродни,
 А гнѣздо власне огидне валяють!
 Хоть ихъ святого имене негодни,
 Однакъ ся мовы ѳтцѣвской стыдають!
 Чужимъ похопни смѣшно — сь величати,
 И бесѣда ихъ чужа папьянина!
 Ажъ — бысь забуль ся! тяжко ѳтгадати:
 Чи Ляхъ? чи Нѣмецъ? чи русска дѣтина?
 Чи тамъ коли ще давна доля блисне?
 Перерву слово! — бо жаль сердце тисне!

Въ томъ урочищу минувшои хвалы
 Стоитъ ще нынѣ дорогій забытокъ:
 Нѣбы списаный дѣлъ тогдышнихъ свитокъ, —
 Щобъ го потомни племена читали: —
 Стоитъ ще Церковь: — Рождествеъскій Храмъ! 16)

Котрой стѣны зъ твердой опоки,
Золоти вершики, — маьовани боки,
Тогда вже въ повнѣй красотѣ сіяли; —
Коли зъ дороги наши два Иноки
Радостнымъ сердцемъ Галичь повитали, —
Богу подяку жертвовали тамъ!

НЕСПОДЪВНА РАДА.

Жилъ при тѣй Церквѣ, свѣщеносъ Архорій: 17)
Старець, зазнавшій, различной доли,
Колись трудилъ ся торговлею соли,
И позналъ добре околични горы;
А розпознавши Инокѡвъ пригоды,
Зъ бесѣды вчувши ихъ высоки цѣли:
Що вже далеко — по свѣтѣ гостили,
На вагу клали зъ многихъ жерель воды,
Бо таки були Старшого наказы:
Гдебы ся воды на вазѣ згодили,
Монастырь тамже щобы заложили
На знакъ покуты за Божи уразы:
Хоть на вагу вже всюда воду брали,
Немогли своей цѣли досягнути;
Всюда ей доси на дармо шукали,
Вже съ нѣчемъ мали до дому вернути, —
— Таку пріятну далъ Инокамъ раду:
„Колись гостилъ-емъ, — не въ одну дорогу,
„На всхѡдъ — пѡдъ солнце, на пѡлночь — къ западу,
„Всю си ще нынѣ пригадати могу:
„Знаю въ Пѡдгѡрю, — май каждую керницю,
„Бо-мь возилъ зъ ѡттамъ сѡль и сировицю!

- „Тамъ, — по за замокъ тягне ся гостинець
„Помежи гаѣ, и князёвъ звѣринець:
„Тимъ идѣтъ зъ мѣста! — а за тры години
„Выйдете зъ лѣса — на красни рѣнины;
„Горѣ рѣкою идѣтъ ажъ подъ горы: —
„ — Добрый деъ ходу буде зъ сего мѣста,
„Всюды найдете прекрасныхъ водъ норы;
„Кажда керница, студена и чиста!
„А якъ прійдете подъ облазъ на склезю,
„Где ся на западъ Быстриця звертае,
„Минете въ лѣвой руцѣ, струму стезю,
„Тамъ млавый потѣкъ въ рѣку ся зливае:
„Але не важе съ его водовъ — свою!
„Бо помѣшана съ дохтемъ и съ рѣпою!
„Подидѣтъ выжше майже пѣль години:
„Тамъ рѣчка друга бѣльша ѣтъ тамтои,
„Помежи горы. — иѣбы рѣвни стѣны,
„Несе въ Быстрицю чисти воды свои!
„Неразъ гостячи съ тирхами съ вагою,
„Якъ сонце шкварно въ полудне варило;
„Або прагнуцѣй, — пилъ — емъ воду зъ здрою,
„Або зѣвяле скупаль въ рѣцѣ тѣло;
„Вѣрте ми! Майже всѣ Подгѣрски воды
„Не мають тои ядрности и силы,
„Щобы таком дали прохолоды,
„Щобы такъ въ спразѣ тѣло покрѣпили!
„Тамъ затрѣбуйте! А сли Божа воля
„Схоче сполнити вашу праву вѣру;
„Змѣнитъ ся хутко неприязна доля,
„И заснуете углы Монастыру!
„А сли не вдасть ся и тамъ по Божой воли,
„Не осягнете вашу цѣль николи!”

Якъ середъ Липня, сли спека догрѣе,
 Листокъ, травица, — колось и былина
 Головку схилить, — зѡвяне, зѡмлѣе, —
 Бѣжитъ въ затѣе скѣтъ и челядина;
 Прагне якъ каня, жѣлае и просить:
 Чей облакъ змягкне и дощикъ поросить!
 Тогда сли хмара небосклонъ засуне,
 Холодный вѣтрець буйнеенько повѣе;
 Дрѣбнеенькій дощикъ изъ облаковъ люне,
 Все ся простуе, покрѣпитъ отжѣе; —
 — Такъ слова рады, що зъ усть старця пыли,
 Слабу надѣю Гостей покрѣпили. —
 Хоть вутли лучи надѣи благои
 На дальшій успѣхъ зъ тои рады блисли;
 Оба улякли, — внесли руки свои,
 Пустили въ небо и очи и мысли:
 Горячимъ сердцемъ подяку сложили,
 Що рядилъ доси путемъ промыслъ Бога,
 А чей и дальй щастлива дорога
 Заведе хутко къ пожаданой цѣли!
 Спрацали Церковь, и Галича брамы —
 — Горѣ вывозомъ, по за Князѣвъ дворы,
 И по надъ Луковь (8) лазомъ и ярами,
 Близька надѣя! — Крокъ за крокомъ скорый
 Несъ ихъ на крылахъ, — на вздогнѣ съ вѣтрами!
 Ажъ поминули хабнича и зворы,
 А нѣмъ уплыло ходу три години,
 Середъ красной взрѣли ся рѣвинны!

Все краснѣ рѣки, котри воду свою
 Въ Днѣстрове ложе зъ Бескида зливаютьъ,
 Але Быстрыцю, бѣгомъ, красотою,
 Бѣгме! нѣколи чей не завстыдають!
 Бо чиста струя, — нѣбы слѣза ока,
 Полоче рѣни, — нѣсочокъ и плиты:

А хотъ где въ плесѣ въ два хлопы глубока,
На днѣ бы можна рыбку полѣчити!
Скоро Иноки зарѣнкомъ, лугами,
На рѣки берёгъ щастливо досѣли,
Тужъ наполнили судину водами,
И побѣчь съ своевь на вазѣ сложили:
Заразъ надѣи — луча имъ заблнсла,
Чернули грудевь вѣтрець прохолоды:
Бо вода вагу въ долину потнсла,
Трошечки бѣльше, якъ давнѣйши воды. —
Того — то нашимъ Гостямъ було треба!
Вже мали перву щастливу познаку,
За тое заразъ послали до Неба
Зъ души и зъ сердца горячу подяку;
Горѣ Быстрыцевъ, — нѣбы легки крила,
Люба надѣя злекшала имъ хѣдь,
Кажда водиця черезъ вагу плыла:
Чи здрой, — чи потѣкъ, — шипѣтъ, — плесо — брѣдь!
И чѣмъ разъ выжше, бѣльна радѣсть въ оцѣ,
Бѣльшу потѣху — що разъ сердце чуло:
Бо въ норѣ каждой и въ кождѣмъ потоцѣ
Богдай за кроплю на вазѣ прибуло. —

ПОКУСА И БЛУДЪ ИНОКѢВЪ.

Нѣмъ солнце въ своимъ дневнѣмъ обѣротѣ
За сини горы другій разъ зашло;
Щобы по труднѣй, горячой работѣ
Гдесъ тамъ далеко, въ мори ся скупало:
Минули облазъ, и потокъ съ роною,
Перейшли поле, луги и зарѣнокъ,
И навернули хѣдь горѣ рѣкою;

Ажъ где Манявка чисту воду свою
По дробнѣй рѣни въ Быстрицу зливае,
И съ невь ся въ дальшу гѣстьбу выбирае,
Тамъ на вечернѣй усѣли спочинокъ. —
Добрежъ имъ було тутъ на вагу взяти
Зъ одной рѣчкѣ; и зъ другой воду!
Котра зъ нихъ тяжша? на певно пѣзнати
Щобы не виасти ще въ яку пригуду,
Щобы не товчи вже на дармо ноги,
И не зблудити зъ правои дороги!

Но съ долевь людсковъ такъ ся часто дѣе:
Неразъ челоувѣкъ глубѣъ переплыне,
На сухомъ стати, — туй туй ся сподѣе,
Урве ся берѣгъ, — а онъ марне гине!
Неразъ блудящѣй, до щастя палаты,
Веѣми силами сиѣшитъ ся допхати:
Ледво, що стане блиско щастя дверей,
Сама помыслинѣсть розумъ му ѡтбере!
Есть окромъ того неприятедь иный:
Що ся на щастныхъ кривымъ дивить окомъ:
Ворогъ слугъ Божихъ, — сотона измѣнный,
Где въ простъ не може, тамъ пѣдходитъ бокомъ;
А где мѣркуе, що слугъ Божихъ трудомъ
Рости моглабы честь и хвала Божа;
Заслѣшитъ розумъ и обмане блудомъ,
Веде зъ гостинця въ пусти бездорожа,
Завистный душамъ вѣчнои заплаты
Веде въ погибель, — щобъ ся зъ нихъ смѣяти!

Спочинокъ черницѣвъ коло рѣки броду
Жегналь деъ красный — звѣлна вечерѣло,
А зъ пѣдъ гѣръ дыхаль вѣтрець прохолоду
Солнце керваво ще ся обѣзрѣло,

И за валъ черный въ хмару заходило,
Не ворожачи на завтра погоду!
А нѣмъ погаснуть крайни солнца лучи,
Могли ся певно сподѣвати тучи!

На простогонѣ якъ нѣчь переснати?
Гдебы на суши голову склонити?
Сли не ма поблизь колибы, нѣ хаты!
Нѣ где въ березѣ широкои плиты!
Нѣ где живои души не видати,
Щобы ся можна о нѣчлягъ спытати.
Тимъ ся зачали Иноки журити!
Бо рѣвне поле и голый зарѣнокъ,
Лкій то въ ночи, на дощи спочиннокъ?

Повели горѣ Быстрицею окомъ,
Видять: щось въ плесѣ хилить ся — плюскоче;
То воды черпне, то руки полоче,
То въ задъ, — то въ передъ мѣритъ рѣку крокомъ;
Приступлятъ близше, — видять: то рыбаць!
Въ рукахъ тримае на держаку сакъ!
А черезъ плечи завѣшена — нѣбы —
Зъ полотна шита — торба, повна рыбы:
Лишь недозрѣли Черницы — небожата,
Що повижъ чола стерчали му роги!
Що якъ у цапа розколена пята,
И съ курячими пазорями ноги;
Бо си чуприну шапочковъ прикрылъ,
А боси ноги въ водѣ зануриль!

Поклонъ му дали — а онъ ихъ навзаемъ
Повиталь вдячно гостиннымъ звычайемъ;
Зачаль пытати милењкими словы:
„Куда дорога? — чи дужи — здорови?“

„Якъ? — чи щастливо по свѣтѣ гостили?
„Яки потреби, — и яки ихъ цѣли?“
На тое Черницы такъ му обновѣли:
„Дорога наша до чистого здрою, —
„Бо такій наказъ маемъ ѿтъ Старшого; —
„Тамъ съ водовъ зважимъ тоту воду свою!
„Гдебы ся воды на вазѣ згодили, —
„Тамъ монастыри фундаментъ нового —
„Заложимъ заразь для Божои хвалы,
„Щобысьмо грѣхи испокуювали!
„Котровъ дороговъ туда намъ ступати?
„Сами не знаемъ! — Тебе Богъ спровадилъ,
„Щобысь намъ зъ ласки жичливо порадилъ!
„При томъ ты смѣемъ ще тое снитати,
„Чи не ма близько где сухой хаты,
„Гдебы моглисьмо нѣчку переспати!
„Бо тамъ зъ поза гѣръ чорна хмара суне,
„И незабавкомъ певно туча люне!“

Рыбакъ на тое усмѣхнуль ся мило,
Примилилъ уста, — и лице и очи;
Зъ усть слѣвце кажде, — нѣбы съ медомъ плыло,
Очка свѣтили — съ якъ зѣрнички noci;
На лици образъ, милости, — покори,
И сложилъ руки побожно на груди;
Гадалъ — бысь певно, що другій Архорій
Хоче имъ радовъ уменшити труды!

„Щастье то Ваше! — щосьмо ся здыбали!
И я вашъ рѣвный; — якъ вы — служу Богу,
Ѣму ся молю, — съ нимъ часъ подѣляю, —
И зношу труды, — всео для его хвалы,
И поживлѣня въ праць рукъ шукаю,

Ось чимъ ся Гостямъ прислужити могу :
Дамъ вамъ притулокъ , — бысте переспали,
Заутра покажу до здрою дорогу!
И на покутѣ за давни провинны
Жию лѣтъ много посередѣ пустыни!
Маю зъ камени mezi лѣсомъ хатку :
Суха и чиста , хоть трохи убога ;
Претцѣ тяжкого не ма недостатку,
Проста до неи и рѣвна дорога!
Знайду сухаря , — щобъ васъ поживити ,
И садовины , — при томъ меду крижку,
Сухой рыбы , — съ сушениновъ вышку ,
И студенои воды ся напити!
Хоть мою постну , и убогу страву
Вамъ незаправлю — имбиромъ и перцемъ ;
Хоть мхомъ покрыту каменную лаву
Вамъ не застелю — богатимъ коберцемъ ;
Але — же знаю , вашу святу справу , —
Прійму васъ щиримъ , — и охочимъ сердцемъ.
Ходѣтъ за мною ! поступайте смѣло !
Доки сѣрѣе , — ще ся не стемнѣло !
„Хмара надъ нами , — а дождь рясный скропитъ :
„И туй , туй , — пѣтьма , — якъ за очи вхопитъ , ”

Чи може коли ѡтъ рѣднои нежки
Бѣлшой дитя милости дѣзнати?
Чи може коли брату — братъ рѣднежкій
Щирѣйшу раду въ потребѣ подати?
Такъ собѣ гостѣ идучи гадали,
И за рыбакомъ шибко постунали!

Вже ся стемнѣло , — а хмары ся перли ,
И чимъ разъ ближе надъ ними увисли ,

Тужь сильнымъ вихромъ зашумѣли бору,
 Якъ паучина облаки ся дерли:
 Вдовжъ и поперекъ рѣснымъ огнемъ блисли,
 Перуна громомъ задудиѣли горы;
 Отбили гомонъ береги и скалы,
 Рвали ся зъ мѣстця каменя и плиты,
 Дебры и зворы тяжко застогнали, —
 Нѣббы вже хоче свѣтъ ся завалити!
 Люнула туча — якъ зъ коновки цѣдитъ!
 Не ма сухого рубця у рубатки, —
 Темрява! — око ни на пядь не видитъ,
 Анѣ зѣрнички, — ни рыбака хатки!
 Лишь огеъ въ хмарѣ, — то блисне то лусне,
 Потѣмъ зновъ пѣтъма; ану межъ очи дай!
 Инокамъ скучно, — кровь ѣтъ дроци гусне,
 А рыбака съ вѣтромъ — ступай, — тай ступай.
 Ему всео рѣвно! — А гостъ по трудѣ,
 По тѣлькихъ знояхъ зъ долгои дороги,
 По плитахъ скалахъ каменю и грудѣ,
 По шняхъ и корчахъ товчуть боси ноги!
 Сѣчуть зубами, зъ студени дрежать;
 Бо туча лѣе ся и шаруга вѣе!
 Радибы стати, а претцѣ бѣжатъ,
 Якась обмана въ передъ ихъ тручае!
 А ѣтъ змыкае, — ани ся огляне:
 Черезъ прѣстъ, — берегъ, — склезю чи потокомъ
 Въ водѣ не плюсне, до горы не стане!
 Нѣббы по столѣ, — рѣвнымъ суне крокомъ!
 На вскрѣзь промокли, прозябли Иноки,
 Хтѣли просити, — щобы звѣльнилъ кроки;
 Але имъ въ грудехъ, — голосъ — духъ заперло
 И первше слово на устахъ замерло!
 А въ таку пѣтму, — и бурю страшливу:

Хоть швидко бѣгли, — о пѣзній вечери,
Рыбакъ завѣлъ ихъ на берегъ пѣдъ Кливу,
И попровадилъ — просто въ брусни двери!

ГОСТИНА ВЪ БРУСНЫХЪ ДВЕРЕХЪ.

И менѣ встае до горы волосье,
Якъ си згадаю той великій страхъ!
Якъ бѣдни Черницы, промокли и боси,
Вылѣзли пѣлбѣчь въ стрѣмкихъ чагурахъ!
И они сами не знали сказати:
Чи ся драпали тамъ о своихъ силахъ?
Чи газда честный, гостеьки до хаты
Занесъ на плечахъ, — на рукахъ, — чи крылахъ?
Досить, же були на самѣмъ порозѣ,
И середини хаты оглядали;
А що въ ужасѣ, и тяжкѣй тревозѣ,
Зъ тыхъ довоглядѣвъ ще запамятали,
Зъ ѣттамъ идучи всюда по дорозѣ,
Кто булъ цѣкавыи, — такъ розповѣдали:

Довгосьмо въ пѣтьмѣ, въ гремотахъ и зливѣ
Летѣли, нѣбы нѣчновидный птахъ!
Ажъ провѣдникъ насъ посадилъ на Кливѣ,
Въ густыхъ и стрѣмкихъ збочи чагурахъ!
Намъ пѣдъ ногами пропасть ся розверла:
Темна глубока, якъ пекла пащека;
Тайже — бы была живцемъ насъ пожерла,
Такъ страшнымъ горломъ зѣвала зъ далека!
Надъ головами, кремениста плита;
Майже пять шагѣвъ и повздовжъ и въ ширь:
Нѣбы шинами до скалы прибита

А въ серединѣ гранчастыи ѳтворъ!
Стрѳмка, — гладка нѣбы дѣло штуки,
Пустила корень, ажъ у Кливы спѳдъ;
По середѣ неи, чѣсь може руки
На образѣ дверей вырѣзали вхѳдъ.
Около неи, буки и ялицѣ:
Сосны, — смереки, — свѣркѣ и вовче личье:
На нихъ гнѣздятъ ся ястрѣбы, ѳрлицѣ:
Пѳдъ ними звѣри, — и норы гадъечи!
Двери до входу зѣ желѣза и мѣди:
Ще пѳдпирала скалы громка брила,
И темныхъ духѳвъ страшни дивогляды,
И якась дива невидома сила!
Но скоро ближше приступилъ рыбака,
Мѣзильнымъ пальцемъ зробилъ на нихъ знакъ:
Заразѣ бѣгуны и замки заскрипѣли,
Сами ся двери ѳтъ себе вотворили!”

ВНУТРІЕ БРУСНЫХЪ ДВЕРЕЙ.

Але той лоскѳтъ — лопѳтъ той брылы
Загудѣлъ нѣмовъ мовневъ по кутахъ:
Ажъ пѳдвалины Кливы затрицѣли,
Цѣлый камѣнный стрясълъ ся гмахъ!
Слибысьмы хтѣли одну половицю,
Тыхъ списати чудныхъ дѣлъ,
Що наполняло пѳдземну темницю,
Що въ собѣ гмахъ той помѣстилъ? —
Не чтыры очи, и не два языки, —
Але тысячи, — каждый дайте свои!
Тогда полѣчимъ тоти зграи дики,

Тои челяди — безчисленни рои!
Тоти тамъ съ грѣшми, скринѣ и шкатулы!
Кажда замкнена, — при ней вартѣвникъ!
Щобы ся силовъ, яки не добули!
Щобъ кто лукавымъ взрокомъ не урѣкъ!

Далѣй огнище, — при немъ ватра тѣла:
Въ кѣтлахъ, то зѣле — то масть ся варила:
Кругомъ стояли вѣдмы: — вѣдмы! — чарѣвницѣ:
Сухи — окати — чорни — костолицѣ!
На ребрахъ — клубахъ — лахмае и рубы, —
Простоволоси — лише пнѣ, — где зубы!
Єдни копистковъ присмаки мѣщали,
Други надъ ними примовы шептали;
Старый учитель каждую бралъ за руку,
И подавалъ имъ покотомъ науку:
„Возьмѣтъ си каждая, то зѣля, — то масти,
„Въ черепокъ, — въ горня — хоть по малѣй части
„Котра ще буде примову умѣла,
„Докаже въ свѣти великого дѣла!
„Ты! якъ ѡтъ печи, помастишь лопату,
„Сядешъ, — полетишь, вскрѣсь каглу надъ хату,
„А по пѣдъ хмары — ажъ геть до границѣ,
„Где часомъ мудри радятъ чарѣвницѣ;
Або по надъ лѣсь, — зайдешъ ажъ надъ горы,
„Где духи нѣчю обходятъ соборы!

„Тымъ, — якъ покропитъ выгоны, — паровы
„Туда на пашу, выходятъ коровы;
„Ний жены доятъ зъ вечера до рана,
„Твоѣй весь пожитокъ: масло и сметана!

„Ты! того зѣля, якъ дашь ся напяти,
„Або, скупаешъ, нѣмъ куры запѣютъ;

„Кто ся кимъ бридилъ, — мусить полюбити!
„Где була милость, вѣтры ю розвѣють!

„Товъ! що начеркнешь, — ѳтвернешь пригону!
„Тымъ! кто ся скропитъ, — ѳтшукае шводу!

„Товъ, кому зробишь знакъ межи бровами:
„Що вздрить очима, — украде руками!

„Въ томъ! сли подходжа, — бездѣльна дѣвица
„Девять разъ змие — свои руси косы;
„Зляжуть сватачи, — якъ на ниву,
„Хоть никто за ню не спиталь ся доси!
„Тымъ, и малжеństwo и сосѣдовъ повадишь!
„Тимъ кого схочешь, зъ сего свѣта згладишь,
„Берѣть! рушайте! каждая къ своему ложу!
„Я иньи sprawy, потокмити мушу;
„Где прійде тяжко: — я вамъ допомогу —
„Але си тямте! виннистьте ми душу!”

На середъ хаты, — майже просто дверей,
Стоялъ шерокій, застеленный столъ:
На немъ стояли пера и перы,
Писарь, на локоть пѳдпертый сѣдѣлъ:
Зѣркаль до кола, кашлалъ, морщилъ брови,
Але не було на столѣ чернила;
Бо, сли съ кимъ запись сотона чинала,
Пустилъ зъ малого пальца кроплю крови,
Заразъ ся згода о душу стокмила:
Пѳдписалъ имя! и контрактъ готовый!
Кто зрекъ ся неба, для земской утѣхи,
Тому давали грошей повни мѣхи!

Якъ си згадаемъ — по тѣлѣ морозъ!
Зо страху решту сказати не можъ!

Бо мы при дверехъ — гей закаменѣли,
Пары-смо зъ себе пустити не смѣли!
Тьохкало сердце — и ноги дрежали,
Руки ся крѣико одвѣрковъ держали;
Луна ѡтъ свѣтла въ очехъ ся намъ тмила.
Волось ся ѣжилъ, — шапка злазила!
А скоро котрый зъ насъ, — рыбака зъочилъ,
Вскрѡсь дрощъ врѡймила, — зубъ за зубъ заскочилъ:
Въ задъ ся цѡфнути! щось нѣбы припяло!
Нѣбы до скалы приковане тѣло!
Братъ Иоанникій въ томъ тяжкимъ фрасунку
Хотѣлъ зо вѣхъ силъ горлати ратунку!
Выречи слово! — анѣ суди Боже!
Отворилъ уста! — заперти не може!

ЗАПРОСИНЫ.

Рыбакъ прійшолъ ся вздовжъ, поперекъ хаты,
Просушилъ борше — промоченны шматы,
И такъ мовячи вернулъ ся ко дверемъ:
Мы васъ на нощьегъ до хаты заберемъ.
„Гостеньки мили! дамо вамъ выгоду:
„Якои ще-сте не зазнали зъ роду:
„Царски будете стравы вечеряти,
„Въ мягкихъ перинахъ солодеько спати:
„Самъ васъ въ спокѡйну комѡрку заведу,
„Додамъ досгаткомъ — чи вина, чи меду:
„Заутра ранеько пуцу васъ въ дорогу,
„И дамъ велику въ грошехъ запомогу;
„Щобы-сте довше вѣкъ свѣтъ не блудили,
„И зайшли борше зо своєю шлю!

„А — же вамъ щиро, — якъ пріятель раджу,
„Самъ васъ на тоє мѣсце попроваджу,
„Покажу чисту съ важковъ водовъ струю,
„И за двѣ водѣ Монастырь збудую!
„А за пѣ мой ласки, — и подвиги,
„Запишѣть имя, — отъ до сеи книги!
„Я вамъ дамъ помѣчь во всякихъ пригодахъ;
„Буду служити вѣрно ажъ до смерти;
„А що — сте чули въ розмовѣ при водахъ,
„Смѣйте ся зъ того! всьо то було жарты!

На такую мову, — кровь въ насъ закипѣла,
Но якась выжша сила покрѣпила:
Внесли-смо руки взяли ся жегнати, —
Щобы сотону, въ безодню загнати!
Але самъ рыбаць — и челядникъ хромый,
Скочили ближше, где стоялъ Пахомій;
Вперли ногами при дверехъ у плиту,
И тягли чернця руками за свиту!
Крыкъ, зойкъ и галасъ, — зробилъ ся великій,
Гейбы свѣтъ цѣлый малъ ся завалити!
Хтѣлъ дати помѣчь брату — Иоаннікій, —
Сховзъ ся, — горѣницъ — покотилъ ся зъ плиты:
За добре сердце, и вѣрну прислугу,
Полетѣлъ комѣть — въ глубоку яругу
А нѣмъ ся газды, съ другимъ гостемъ дерли,
Цоркнули двери, — плитовъ ся пѣднерли!

Тогда Пахомій видитъ що не жарты!
Або въ ихъ шпонахъ безъ часу умерти!
Або нещастный записъ учинити,
И такъ на вѣки душу загирити;
Добуль зъ пазухи крестикъ деревяный,
Що му Игуменъ завѣсилъ на шій:

Зъ чудовой силы вже давнѣйше знаній,
Бо мѣстиль въ собѣ кѣсточки свѣтыи,
Пережегналъ нимъ; а чорты якъ врыти
Спустили руки, — и стали на плитѣ!
Але ще хтѣли щастя стрѣбовати:
Скликкали бѣльше своихъ чорныхъ братьей!
Сбѣгли ся заразъ многи дивогляды
Надъ однимъ Чернцемъ шукати побѣди.
Одни свѣтили засмолени скипы,
И тужъ! до бѣйки рвали ся ѣтъ сварки,
Други ѣтъ кѣтлѣвъ чорни якъ огарки
Махали страшно желѣзными цѣпы,
Плюнули въ жменѣ, — пѣрвали за барки.
Отець Пахомій, — видитъ — „яка сила?
Сли погибати! разъ — мати родила!
Ѡдоткаль боклагъ съ пещерскими струи,
Наполнилъ ними двѣ пригорци свои,
Якъ хлюсне просто рыбакови въ слѣпы,
Ажъ ся чупрына дымомъ закурила!
Непомогли му и желѣзни цѣпы,
Бо така воды священной сила!

Крикнулъ — вереснулъ и скорчилъ ся въ клубы,
Завилъ, заскомлѣлъ стома голосами!
Бѣлкомъ и кровлю зайшли му палубы,
Зѣвнулъ и зѣркнулъ огнемъ и искрами!
Гаркнулъ, — вышкирылъ нѣбы рѣжны зубы:
И тужъ! на Чернца и съ товаришами!

Якъ часомъ хлонцѣ, въ сваволи шалени
Въ дуплѣ порушати осы и шершени:
Оны до очей просто тиснуть роѣмъ,
Абы скарали, кто ихъ бралъ розбоѣмъ;
Такъ чорна челядь, — зѣ кутѣвъ — зѣ скалублины

И зъ закоморкѣвъ , где ся доси крыла , —
 Вхопивши въ руки свои оружины ,
 Обцесъ ся въ очи Чернцєви пустили !

ПОБѢДА.

Але Пахомій лье воду — и кропитъ ,
 Всѣхъ передъ себе якъ череду пудить ;
 А где котрого — хоть кроплевъ захопитъ :
 Рикне , — застогне , — ажъ гомѣнъ загудить !
 Якъ коли каня , — чи ястрѣбъ въ садочку
 Спаде , — розпудить съ курятами квочку :
 А они бѣдни — въ кропивѣ , въ заулку
 Цѣкають , бѣжатъ , шукають притулку ;
 Або пѣдъ крильми квочки — охороны ,
 Щобы не впади въ ворогѣвъ тыхъ шпоны ; —
 Якъ , где пѣдъ гущевъ , — або при зимѣвцѣ , —
 Скочить вовкъ зъ корчѣвъ , — и розпудить ѡвцѣ ;
 Они по гуцахъ , — склезяхъ и долинь
 Хутко розпирснуть — якъ липове клинѣ ;
 Такъ чортовъ гурма , — що страху не знала ,
 Передъ боклагомъ драпака втикала ,
 Бо на тихъ , Божихъ врагѣвъ , чорни хмары ;
 Сли людемъ шкодить злѣсть заслѣплена ;
 Не ма постраху и бѣшой кары ,
 Якъ Креста знамя — и вода священна !

ПУТЬ ПѢДЗЕМНЫЙ.

Треба намъ знати , що ѡтъ брусныхъ дверей ,
 По пѣдъ Любянецъ , во внутрностехъ гѣръ ,

Бѣгомъ ся тягнуть пѣдземни пещеры:
 Не всюда рѣвни и въ глубень, и въ ширь:
 Разъ такъ высоко взноситъ ся склепѣнье
 Що можъ безопасно и на коня всѣсти;
 Далѣй такъ низко ходить пѣднебѣнье,
 Що ледво мѣгъ — бысь на рачки пролѣсти!
 Тутъ, такъ широво розходятъ ся стѣны,
 Що легко побѣчь двомъ возамъ минути!
 Далѣй ся сходятъ въ такъ вузоўки сѣни,
 Що лише бокомъ можъ ся протиснути!
 Разъ бѣжать въ глубѣнь, по стрѣмкихъ заламахъ,
 Ажъ осередка землѣ досягають!
 Тамъ, въ гору шнуть ся нѣбы подра въ домахъ,
 Подъ поверхницю горбѣвъ наvertsають!
 Такъ крутымъ горломъ: кремѣьомъ и плитовъ
 Бѣжить геть на вскрѣсь пѣдземне корыто;
 Ажъ надъ Манявковъ, — въ снадистой обочи,
 Где рѣка берегъ мулить и полоче:
 Стремить надъ склезю споре скаль урвице,
 Нѣбы розпалыхъ будынкѣвъ звалище:
 А зъ боку темный зѣвае отвѣръ:
 Туда зъ пещеры дорога на двѣръ!

Чернецъ скраплие, гонить чорне стадо,
 Що по дсрозѣ ще ся помножило;
 Зъ верескомъ, — пискѣмъ, — швитко ходъ не радо
 То въ сторць — то плазомъ, — стрѣмголовъ летѣло
 Лише що гурмовъ отвору доспѣли,
 Бухнули роѣмъ, — якъ пчолы изъ уля: —
 Блисла зѣрниця, — когуты зацѣли,
 И закукала надъ ними зазуля!

Слись коли видѣлъ, якъ на конаръ грушки
 Спадутъ веретовъ вороны, сороки;

Стрѣлецъ скраде ся и выцѣлитъ зъ пушки :
Они ся стреплютъ — пирхнутъ на всѣ боки ;
Такъ темни духи , и пекеѣни силы
На всѣ стороны , — геть ся розлетѣли !
И вже , — поднести - сь пѣдъ хмары высоки ,
Ще повтаряли страшенно грозити :
„Же — хотъ гдеколькокъ усядутъ Иноки ,
„Чи въ Монастыру — чи въ пустынь затѣню :
„За кривду свою , мусятъ ся помстити !
„Сли не на нихъ ? . . . на сотнѣмъ поколѣню !

ДАЪША ВРАЖДА.

Правда ! ѡтъ тои побѣды Инока ,
То надъ рыбакомъ , то надъ его други ,
Цѣлкомъ спустѣла яскния глубока ,
И брусныхъ дверей заросли яруги !
Але чортовска зависть не заспала
Въ часахъ потомныхъ Инокамъ вредити :
Для лютой помсты , доброй поры ждала ,
Честнымъ ихъ трудамъ всюда клала сѣти :
Неразъ безсоннымъ въ молитвѣ и постѣ
Броили пакѣсть тоты злобни дусы :
Въ церквѣ и въ келли непрошени гостѣ
На тѣло и душу зсымали покусы !
И при работѣ , во снѣ и на явѣ
Образы скверни , и огидни мысли
Чи то въ домовѣи , чи церковнѣи справѣ ,
Лѣзли на очи , до души ся тисли ! —
Не еденъ зъ Чернцевъ — оружьемъ закону ,
Долго боролъ и побѣждалъ ихъ исоту ;

Ными преліценный полюбилъ мамону :
Лишилъ ся Бога, — и утратилъ цноту ,
И не дивниця ! — сли Богъ свои слуги
Пбдасть покусамъ за яки провини !
Безъ борбы , — трудоувъ , — не зберемъ заслуги ,
А вѣнецъ зъ рожи не всть безъ тернины !

ВЫХОДЪ ЗЪ ПЕЩЕРЫ НА БѢЛЫЙ СВѢТЪ.

Скоро на свѣтло зъ темной пещери
Бухнули гурмовъ дусы неприятни :
Нѣбы дымъ зъ кагли , чи зъ мѣха полова ;
Отець Пахомій — черезъ порогъ дверей
Лишъ трошки тлѣнный ! и мокрый якъ зъ лазнѣ
Вылѣзъ и долго не промовилъ слова !
Згоненовъ грудеувъ хлипнулъ прохолоды ,
Протерлъ си очи , заткалъ святи воды ,
И креста знамя завѣсилъ на шиѣ ,
Поцюлювавши мощи въ немъ святии !
Вже ся вчерайши хмары гетъ розплыли ,
Умовкла буря ! небосклонъ якъ скло :
Листье , травиця чисту росу пили ,
Прадуховъ свѣжовъ зъ помеже гѣръ тхло !
Мѣсяць за горы скривалъ повни лицѣ ,
Косарѣ , — квочка , чепиги згасами ,
Золоти лучи ранной зѣрницѣ
День на розсвѣтлю блискій звѣстували !
Цѣла природа на ново ѳтжила ,
Втомлени силы Черниця покрѣпила ;
Черпнулъ долоневъ росы по муравѣ ,

Прохолодилъ ся, зробилъ святой знакъ,
Впалъ на колѣна по страшенной справѣ,
Знеслъ въ гору руки, и молилъ ся такъ:

МОЛИТВА БЛАГОДАРСТВЕННА.

„Ахъ! Вы прекрасни, небесни свѣтила!
„Якъ же васъ мають витати зѣниці,
„Котри въ пѣдземной страшливой темници
„Хмара пекельныхъ жителей притмила? —
„Якъ мили оку, золотави лучи,
„Якъ легко груди вѣтру прохолода,
„Якъ любя уху птицы краснозвучи,
„Якъ тѣшитъ сердце смѣюща природа?
„Якужь подяку, Тобѣ Боже скажу?
„Що - сь тамъ свѣтила въ облакахъ заткнуль,
„Що - сь темни духи — и всю силу вражу,
„Брамами пекла на вѣки замкнуль!
„Сли судебъ Твоихъ глубѣнь незмѣренна,
„Злобнымъ тимъ духамъ дасть часомъ потуги.
„Же въ гордой злости пѣднесли рамена,
„Напасти многи шлють на Твои слуги;
„Далъ - есь намъ знамя Твоей опѣки:
„Крестъ, що ся Духи боять его виду:
„Шлешъ намъ покусу: не згуби - жь на вѣки!
„Борба зъ рукъ Твоихъ, — приспѣши - жь побѣду!
„Благослови - жь намъ къ Твоей славі цѣли,
„Дай совершити розпочате дѣло
„Бысьмо на вѣки, — вдячно Тя славили,
„Щобъ Имя Твое вѣчно ся святило!”

СПОЧИНОКЪ.

Скѣнчилъ! — а трудомъ ослабленне тѣло
По долгой стражи прагнуло спочинку;
Бо сну не видѣлъ въ той страшенной ночи!
Нѣтъ солнце окомъ въ долину зазрѣло,
Зѣйшолъ зъ обочи, спочилъ на зарѣнку
И сномъ склеени ялъ жмурити очи!
Ще прійшла гадка: „Где братъ Жоанникій?“
Чи ще живцемъ ся можуть оглядати?
И тяжковъ грудевь глубоко зѣтхнулъ.
Но права вѣра и надѣя силна:
Не рядить ними судьба неомилна, —
Жаль утолили и смутокъ великій!
Погадалъ: „Лучше ся на промыслъ здати,
Подъ Его крилами можъ безопасно спати,
Закѣнулъ свиту, — и легонько вснулъ!“

ПРИГОДЫ ЖОАННИКІА.

Другому брату, — въ тамтѣмъ боцѣ Кливы,
Зачѣнка первшя совѣмъ ся не вдала:
Сховзъ ся зъ порога, у глубокой ярь;
Однакъ безъ шкоды! — и булъ такъ щастливый,
Що не глушилъ го, дальшій съ бѣсомъ сваръ,
Анѣ му чорна згрѣя докучала! —
Навѣтъ на саме яру дно не вналъ:
Бо въ пѣвь дороги зачипилъ въ пѣнь свитовъ,
Скулнлъ ся въ двое — и причьекъ подъ плитовъ;
Такъ до бѣлон днины переспалъ!

Вже лучи сонця черезъ зомли барки
До брусныхъ дверей въ обѣчь зазирали;
Ба вже затѣня и глубоки ярки
Въ зеркалѣ чистыхъ водъ ся призирали, —
Тогды сонъ брату розклеилъ повѣйки,
А що ся снило, погадалъ на явѣ:
Же по вчерайшѣй съ чортомъ переправѣ
Може Пахомій лишилъ го на вѣки?
Заламалъ руки, — зѣтхнулъ зъ тужной груди,
Рѣсна слѣза ся лицемъ покотила;
Але надѣя ще го не лишила:
Чей благій скутокъ увѣичить ихъ труды!
Пережегналъ ся, злѣзъ зъ стрѣмкон скледи,
Покинулъ темни рыбака палаты:
И берегами Быстрицѣ крутон
Долѣвъ пустилъ ся рѣнистыми стезы; —
Чей тамъ, где рѣки лучать воды свои,
Зможе о доли брата ѳтитати?

Вже за плечима спорый шмать дороги!
Хоть неспиняли — яруги — нѣ скалы!
Бо жаль — надѣя, злегкшали го разомъ:
Но диви духи, — що зъ тяжкой тревоги
Передъ Пахомимъ геть ся розлѣтали, —
Не хтѣли своихъ кривдъ пустити плазомъ:
Вздрѣли! — и тужъ! за братомъ Жоанникимъ
Шпурили зъ горба каменемъ великимъ,
Претцѣ — жъ безъ шкоды! камень той до нынѣ
Мхомъ порастае, въ близкой луговинѣ! —
Зайшовши хутко надъ Манявки устье,
Вздрѣлъ Жоанникій подорожныхъ гостей:
Що натирхавши статкомъ сировицѣ,
Долѣвъ Маняковъ стягли до Быстрицѣ

По привитаю, и честныхъ уклонахъ,
Чернецъ спиталъ ихъ: „Чи - сте въ тихъ сторонахъ,
„Отки идете, — не видали брата?
„Що така на немъ, якъ на менѣ шата;
„Лише съ сивѣйшовъ, якъ я бородою,
„Крестикъ на шиѣ, — боклагъ пѣдъ пахою?
„Бо ѳтлучилъ ся! Ахъ жалостна страта!
„Сли го не знайду! щожъ буде со мною?
— Гостѣ на тое: „Стѣй! Панъ Бѣгъ съ тобою!
„Мы . нынѣ зъ рана попасши конята, —
„Двѣ годинѣ ходу, ѳдси, — при кирици,
На нихъ втирхавши, що зможъ сировици:
„Скоросмо побѣчь въ долилу спустили,
„Рѣчку пѣдъ свлезю двичи перебрили, —
„Подибалисьмо — певно твого брата!
„Бо така на немъ, — якъ на тобѣ свита:
„Шерстка, — притерта, вздовжъ якъ мѣхъ защита!
„Борода сива, по поясъ сягае,
„Крестикъ на шиѣ, промѣьми сіае;
„Костуръ до себе побѣчь притулилъ,
„Голову честну на боклагъ склонилъ!
„Певно нѣчь стратилъ гдесъ въ горячей справѣ,
„Бо заснулъ смачно въ тѣнѣ на муравѣ!
„Видишь щовбы два, гуць на нихъ ялины.
„Що въ руку стрѣмко сперли ся якъ стѣьны;
„Зъ межи нихъ потѣкъ, по камѣню грае,
„Нѣьбы по сходахъ въ Манявку - съ спускае;
„Тамъ просто него въ холодной затѣьни
„По руцѣ правѣй, — братъ твѣй спочивае!

ОТЪИСКАНИЕ.

Не ноговь людсковъ , но крыломъ пташины
Чернецъ прѣмкуль ся стежками долины !
Не оглянулъ ся , — спочити не сталъ :
Чи горбъ , — чи потѣкъ , вѣтры перегналъ :
Нѣмъ солнце стало , — близъ дня половины ,
Просто потока въ холодной затѣни , —
Вже на молитвѣ братъ брата засталъ :
Притисль до сердца , — и поцѣловалъ !

Скажѣтъ ми дѣти ! сли отецъ и мати
Довго забавлялъ въ далекой гостинѣ ;
А вамъ голоднымъ , — въ самотной хатинѣ ,
Прійде ся довго , — довго выглядати ;
Сли ся укажутъ на села кѣчинѣ ,
Съ якомъ ихъ сердцемъ бѣжите витати ?
Скажи дружино ! — сли другъ твоѣй въ розлуцѣ
Зайде самотный въ далеку чужину ; —
До тебе довго не приходять вѣсти .
Ты слѣзы ронинь , — и тужишь въ розпуцѣ ;
Вже чутка ходить : „же може загинуль ?
Дармо шлешь части и сердечни листи ;
Потѣмъ , коли ся наймнѣй сподѣваешь :
Нѣбы вналъ зъ хмары , — въ двери закалаче !
Скажи дружино ! якъ ти сердце скаче ?
Чи го устами , — чи душевь витаешь ?
Скажѣтъ ! — Бо такъ ся въ радости розплыли ,
Бѣдни Иноки , — страшнѣмъ случаю ;
Такъ ся витали ! — скоро ся узрѣли !
Скажѣтъ ! Бо я такъ сказати не знаю ;

СОННЕ ВИДѢНІЕ.

Вже геть геть сонце зъ полудня схилило,
Нѣмъ розповѣли — съ взаимни пригоды:
Якъ зъ брусныхъ дверей принаймнѣи безъ шкоды
И съ житьемъ выйти имъ ся пощастило!
Якъ знайти прагли пожадавши воды!
Другу за другимъ якъ сердце тужило?
Якъ Пахомія нѣчны невыгоды
Тутъ сномъ зморили? И що му ся снило:
„Гдесъ по громахъ, — по зливѣ и тучи
„Якъ стовпъ спиналъ въ гору бовдуръ мракъ?
„А въ него вперши ясни сонця лучи,
Чудный творили облаками знакъ,
„А надъ самъ потѣкъ дуга ся схилила;
„И зъ его струевъ чисту воду пила!
„Вонный жертвникъ розиламенялъ Ное,
„Пѣславши въ звѣзды два голубы сиви,
„Жертвовалъ Богу вдячне сердце свое.
„Що выръ потопа избѣгли щастливи! —
„Мы два въ долину, якъ ягнята въ блудѣ,
„Взрокъ утопивши въ томъ небесномъ чудѣ,
„Бъ потоку хижимъ посиѣшаемъ кровомъ,
„Щобы пѣзнати, — що за Божа сила,
„Въ томъ дуга хутко надъ насъ ся схилила,
„Обляла свѣтломъ, и потягла цмокомъ. —
„Въ нѣмъ мя збудило тото сонне диво,
„Но хотъ сонъ правду не знае сказати!
„Однакъ, подобный съ всемъ нашей доли;
„Отъ! незавадить брате стрѣбувати!
„Ходѣмъ въ той потѣкъ! — чей на Божой воли,
„Тамъ нашей цѣли доступимъ щастливо!

„Отъ! рѣка! потѣкъ! — а побѣчь двѣ горы!

„Такъ само! — якъ намъ порадила Архорій!

ПОТѢКЪ СКИТЕЦЬ.

Встали зъ починку, — а надѣя мила
Радости слезовъ око наполнила,
А сердце въ грудехъ било якъ зегарокъ;
Минули борще, зарѣнокъ и ярокъ;
И пригостили до Манявки броду:
Просто где потѣкъ зъ помежи гѣрь грае,
Нѣбы по сходахъ въ рѣчку ся спускае,
И съ невѣ случае свою чисту воду!
Але тамъ воды хотъ въ одномъ корытѣ,
Чомусь сторонять пѣбы зноровлени,
Єдинымъ ложищемъ, и по єднѣй плитѣ
Ще зъ пѣвъ години пливуть розлучени,
Такъ, — що сли хтѣлбы — съ добре ся вдивити,
Мѣгъ — бысь ихъ всюда насмомъ подѣлити!
Дивну причину, чудного зъявиска,
Заразъ Инокн розпѣзнали зъ блиска:
Бо скоро стали по правѣй зъ приходу, —
Зъ насма рѣчного на вагу поклали:
Вага съ водою, спустилась двѣ цали;
Туй туй пещерску вырѣвнала воду!

НАХОДЯТЪ ВОДУ ПОЖАДАННУ.

Но якъ зачерли, — ажъ на лѣвѣмъ боцѣ,
Зъ другого насма — при самѣмъ потоцѣ;

Великій Боже! — дивна Твоя сила!
Заразь вага ся въ долину схилила!
Въ гору, съ Пещерсковъ боклагъ ся підносить!
Тутъ! край гостины Иноківъ голосить,
Вънчае труды, — исполняе Вѣру!
Дае притулокъ, — мѣстце Монастыру!

Кто зъ письма знае Израиля долю:
Якъ, опустивши Єгипта неволю,
Фараонъ гордый притисль го въ пустыни,
Смерть и оковы несль цѣлому племю;
Якъ потѣмъ чудно Моусея руками
Посередъ моря, — якъ помежи стѣны
Веденъ на берегъ сухими стонами?
Якъ виталь вѣльнѣсть и беспечну землю:
Якъ понуривши Фараона въ мори,
Пѣсьми побѣды гомонѣли горы?
Або вернувши зъ надъ рѣкъ Вавилона,
Якъ виталь грузи любого Сіона;
Такъ наши Черницы витали долину,
Витали потѣкъ, — вижки єго струи;
Бо тутъ скѣнчили далеку гостину,
Тутъ осягнули святи цѣли свои!
Съ яковъ покоровъ на колѣна внали?
Якими усты землю цѣловали?
Съ яковъ утѣховъ важку воду пили?
Скрапляли шаты и лице обмыли,
Якъ ся молили благодарно Богу?
Того достойно сказати не могу!
Бо где чувствъ тѣлько разомъ ся скупляе,
Тамъ языкъ людскій слѣвъ недостарчае:
Досить! ихъ доля въ снѣ ся малювала,
А тутъ на явѣ правду показала!

Бо столпъ изъ мраки въ небо ся шелячій,
Значить жаръ сердца подяковъ горячій!
Той знакъ на небѣ, — ясни сонця лучи.
Промыслу Бога все видящи очи;
Що замыслами Божихъ слугъ кьерують,
И надъ ихъ долевь неостанно чують!
Дуга, то знамя Божои поруки
Що вже врагамъ ихъ недасть бѣльше въ руки,
А Ное! образъ: якъ потопъ ужасный
Не похланулъ го, — такъ имъ успѣхъ щастный!
Борбу закѣнчатъ съ вѣнцями побѣды,
Переборовши пекла дивогляды!

БЛАЖЕННЫЙ КАМЕНЬ.

Въ тыхъ торжественныхъ чувствій поломѣни
Силить имъ остатокъ сей памятной днини!
Сумракъ зъ долины пялъ ся надъ горъ щиты,
Щобъ свѣтло сонця въ облакахъ згасити!
Тогда ажъ Черницы почали гадати:
Що въ тѣй пустыни — нѣ села нѣ хаты!
Кобы хоть въ корчохъ, — або коло плиты
Знужену на нѣчь голову склонити!
Тыми гадками запрятавши мысли
Горѣ потокомъ вскрѣсь хабникъ ся тисли,
Ажъ где ся боки Скитского провалу,
Чимъ разъ то вужше зближали по малу:
А густы корчи проходъ затыкали,
На мху, — подъ сосновъ, — нѣчлягомъ стали.

Мягка мурава! и боклагъ и свита,
Як огомъ треба подорожнымъ ложа?

До того радость! постель належита! —
Не вденъ имъ бы задростилъ вельможа! —
Оддали Богу вечерни похвалы:
Лягли и булибы солоденько спали;
Но якійсь шелестъ надъ ними въ обочи
Недалъ ихъ снови твердо вколисати:
Цѣлу нѣчь мрѣли, — и жмурили очи!
И нѣчь минула, — анѣ рушь — заспати!

Скоро звѣстуны молодон днины
Нѣчныхъ маръ решту въ гуцъ позаганяли;
Черезъ вершочки въ затѣня долини
Цѣкавымъ окомъ туй туй заглядали;
Заразъ Иноки опустили ложе,
И повитали пѣснями свѣтло Боже!
Потомъ къ обочи поступили смѣло;
„Що тамъ надъ ними вскрѣсь нѣчь шелестѣло?
„Кто имъ подъ бокомъ таку псогу правилъ?
„Не далъ заснути, — и ночи позбавилъ?
Гадокъ богато! а мала дивниця! —
Жадного Черницы незнайшли страшила:
„Скала въ обочи, а подъ невъ кирниця;
Зѣ котрон струя по камѣню плила!
Хотьбы ся въ жменю змѣстила водиця,
Скоро ю Черницѣвъ здибала зѣниця,
Нововъ утѣховъ грудь ихъ наполнила.

Бо скалы пространь, — спокѣйной затѣни,
Творила въ глубень, и побѣчь, три стѣны;
А на нихъ плита нѣбы стеля сперта;
Сподомъ подлога камѣнна простерта;
Але зѣ переду, где стѣна четверта
Мала стояти, — тамъ пространь отверта!

Чи тому хатку начиньомъ изъ стали
 Въ скалѣ той людски руки выкували?
 Чи для чій-огось спочинку, — выгоды,
 Такъ зъ рукъ выйшла вѣчной природы?
 Надъ тымъ ся въ умѣ рѣжна гадка будить,
 Минае правду, — и въ домыслахъ блудить!
 Але певнѣйше всть свѣдоцтво ока:
 Що цѣла хатка, — то една опока!
 Не дрѣбни плиты, — анѣ грубши брылы
 Въ одну ся цѣлость штучно излѣпили!
 Посередъ хатки, — при самѣмъ порозѣ,
 Або принаймнѣй ѳтъ порога зъ близька,
 Въ твердой изъ природы, и гладкой пѣдлозѣ
 Стоитъ кирпичка, кругленька якъ миска:
 Рѣвно и гладко выточена въ брылѣ,
 Гейбы токарь ю выкружлялъ въ точилѣ!
 Безъ скалубины, — на днѣ безъ норы;
 А вода претцѣ сичить до горы!
 Такъ, що студена, кирпичка чудовна,
 Хоть шій и чернай, — завсе воды повна!

ПРИТУЛОКЪ ЧЕРНЦѢВЪ ВЪ БЛАЖЕННОМЪ КАМЕНИ.

Чужостороннымъ Гостямъ въ той пустыни,
 Блуднымъ Инокамъ, безъ хаты, безъ стрѣхи,
 Щожь могло бѣльше принести потѣхи,
 Якъ сухій кутикъ той скалубины?
 Бо и пѣдъ ялицевъ смачнось спало доты;
 Но гдѣжь ся дѣють, якъ настануть слоты?
 Тутъ цѣль гостины, — тутъ дороги мета,
 Далѣй ступати, — ѳтси вже не лзя!

Якъбы не тая въ камени прикмета,
Въ цѣло́й доли́нѣ, притулку не ма!
Отжежь! въ скалѣ, той тѣсный закамарокъ
Собѣ обрали на смиренъку хату!
И якъ за свѣтлый, небесный подарокъ,
Якъ за выгудну, — коштовну палату,
Отъ сердца Богу поблагодарили,
И середь ея стѣнь ся розгостили,
А на памятку, тыхъ чудовныхъ знаменъ,
Имя надали ей: „Благословенный Камень!”

Первый початокъ газдѣвства нового,
Якъ то за звычай, — тутъ булъ убогій:
Въ цѣло́й пещери не было нѣчого;
Лишь: — тверда постѣль посередь пѣдлоги!
Нѣ стола, — лавы, — нѣ якой судины:
Лишь: боклагъ, книга, костуръ подорожный!
Съ водовъ кирничка, — и три голи стѣны,
А съ режтовъ пустка! каждый кутъ порожный!
И въ хатцѣ холодъ, сли зъ надвору дуло!
Бо стѣны зъ предку, и дверей не було!

Каждый зъ насъ нагій на сей свѣтъ приходитъ,
И той булъ бѣдный, що нынѣ всео мае;
Праця зъ ничого маетки розводитъ:
Живый прауе, и живе гадае!
Якъбы въ пустыни можна проглипѣти? —
Или ся Черницы газдѣвствомъ журити!
„Щожъ за спочинокъ — хатина безъ лавы?
„Претцѣжь по трудахъ здалобы ся сѣсти!
„Духъ же правдовъ! Но тѣло безъ стравы
„Нѣщо не варто! коньче хоче ѣсти!
„Якъ прійде осѣнь, и зима завзѣета,
„Въ хатѣ безъ дверей, чи загрѣ свита?

„Хоть Духъ Инокѣвъ спочивае въ Бозѣ,
„Товчи чи схочуть кости по пѣдлозѣ?
„Безъ тыхъ потребѣвъ и житье Иноче,
„Якъ довго въ нуждѣ вытревати хоче?
„Лѣто богате, гѣстьбу мае швидку, —
„Же осень близко, дае холодъ знати;
„Сли зима долга не знайде забытку,
„Щожъ за хосенъ имъ зъ каменной хаты?
„Чернѣць хоть Божи, — але земски — люде!
„Сли на часъ прикрій незложили спрѣтку
„Сли не будесь до чого розигнати,
„Щожъ тогды бѣдни мають почиати?
Бо кто лишъ весну въ часъ обьяривати
Невстигъ, — и зерномъ ниву не засѣе,
Кому стебло ся не зазеленѣе;
Золотый колосъ, повный не жовтѣе;
Якъ прійде жниво, — щожъ онъ буде жати?
Въ гумно пѣдъ осень, що буде збирати?
Где дика пуца, глухи темни горы,
Чимъ наполнить ѣнъ стодолы, — коморы?

Но! газда лѣншій же гдесъ тамъ въ Небѣ!
Притомный каждѣи, своихъ слугъ потребѣ,
Той! що промысломъ долю всѣхъ кѣруе,
Той! що дрибошки птицы поднебесны,
Хотяй не орють, — не сѣють на веснѣ,
Приѣдѣвае и чимось годуе!
Той! що на поли самородни цвѣты,
Хоть неумѣють нѣ прѣста, — нѣ ткати;
Въ богато красши — и свѣтлѣйши шаты
Якъ Соломонъ малъ — знае приѣдѣти!
Той свои слуги, въ глубокой пустыни
Где розпочали дѣло Ёго славы,

Въ зимѣ не лишитъ ихъ безъ одежды,
А въ прикрый голодъ, безъ хлѣба и стравы!
Для ихъ потребы, пожитку, выгоды
Сама пустыня не пуста, не гола,
Бо и тамъ на лонѣ матери — природы,
Хлѣбъ, и одежда, множатъ ся до кола!
Таковъ надѣвѣ, скрѣплени Иноки,
Цѣлкомъ на Божій промыслъ ся издали;
И въ той пещерѣ бѣльше якъ три роки
Такъ ся живили, и такъ одѣвали:
Въ бокахъ ѡдсона збирали суницѣ:
„Красни, — румяни, — ажъ имъ запахъ милый!
„Въ гуцахъ затѣняхъ, — ожины, чернинцѣ,
„Не разъ по корчахъ проходъ загатили!
„По надъ потоки, малины якъ плѣтъ!
„Вкуси! солодка, въ устахъ ся розплыла;
„По пѣдъ смереки тма яфинъ лежитъ,
„Що ажъ ѡтъ нихъ ся земля засинѣла.
„Мѣстцями зъ грушки, зъ дикон яблони,
„Натрясуть густо овощей якъ рѣни,
„Орѣхъ дасть лѣска здоровый смачный,
„А букъ достаткомъ жиру на олѣи!
Съ дождемъ тепленькимъ прозябае грибъ,
Рѣка и потѣкъ достарчаютъ рыбъ,
И скотарь часомъ, якъ зачуетъ чутку,
Що въ той долини мають Черницѣ жити,
Принесе вурды, або сыра грудку,
И свѣжон ся жентицѣ напитки.
Тымъ наши Черницѣ голодъ покоили,
Жажду гасила зъ керницѣ вода;
Решту добытку на зиму сушили,
И щожъ имъ зробитъ въ пустыни бѣда?
Въ кимъ чисте сердце и совѣсть спокойна,

Тому и пуца въ поживлѣе гойна :
А радъ зъ малого , — богато не багне ,
Бере съ подяковъ , що рука дастъ Божа ;
Що не взрять окомъ , сердцемъ не запрагне ,
Щастливый въ пуци , якъ инде Вельможа !

ВНУТРЕННЕ УПОРАДКОВАЊЕ БЛАЖЕННОГО КАМЕНЯ.

На сушенину и всякій добытокъ
Мали при хатцѣ саморѣднй спрятокъ :
Глубоку яму въ плиты скалублинѣ ,
Много певнѣйшу якъ богачей скринѣ .
Вжебы якъсь ся перебуло голодъ ;
Але що буде , якъ прійде зима ?
Якъ до хатины завитае холодъ ,
А ту ни дверей , — ни печи нема !
Ба , и стѣна ще четверта бракуе ,
А осень вже ся до зимы хилить ,
Щожъ , — якъ шаруга , съ морозомъ подуе ,
И снѣженицевъ день бѣлый затьмить ?
Кто Бога просить , зъ розума не збочить
Поможуть руки , доки ще живи ,
Тутъ урве трохи , — тамъ зновъ надторочить ,
Претцѣ дастъ розвѣдъ своѣй головѣ ;
Немали бѣдни Иноки скиры ,
Щобы якъ нибудь захистити дѣры ,
И поробити ѳтъ вѣтра загаты ,
При тѣмъ ни свердла , долота ни пилки ,
Щобы при вѣльнымъ проходѣ на двѣрь
Попривагати зъ кѣмача одвѣрки ,
И припустити хоть леда зашѣрь ;

Але въ пригодахъ, — где бѣда докучить,
Сама потреба насъ розуму учить;
А где ся навѣтъ нѣкому не сніло,
Мала причина зродить важне дѣло.

Мавъ Жоанникій ножикъ на припонѣ;
Правда, — маленькій, скрилъ — бы ся въ долонѣ,
Тупый на ѳстрию, и не здѣбный, хиба
Часомъ мягкого укромти хлѣба;
Тымъ, для потребы, потягну на брусь,
Рѣзали прутье зарѣнкове въ лузѣ,
Кѣле; — лѣщину, где можна ломали,
А свидовате сподомъ пѣдтинали,
Зъ того двѣ лѣски, смѣвшы на загату,
Ѳтъ простогону захистили хату,
По серединѣ вузоўки ворота,
Примкли, гей дверми затулокъ изъ плота,
Же плѣтъ негоденъ, — вѣтеръ студень смерти,
Мусѣли лубя зъ липъ, смерековъ дерти,
Зъ ивы, лозины ужевки крутити,
И тымъ якъ шкѣровъ, загату обшити.
Мхомъ, що вкрывае береги и яры,
Позамыкали щелины и лшары:
А же кѣль въ камень, не дастъ ся забити,
Дали пѣдпоры, зъ спорыхъ куснѣвъ плиты;
Ще доробимъ замокъ до запору,
Завязку зъ лыка, и колокъ зъ запруты,
Щобы хотъ трохи двери прищепнути
А такъ вже хата готова зъ надвору.

А въ серединѣжъ? Всьо то безъ чого
Анѣ Чернецъ ся обыйти не може
Зъ матеріалу, зробили одного:
Стѣль, пѣчь и лавы, полицы и ложе,

Зъ саморѣднаго, Божого створѣня :
Зъ куснѣвъ опоки, зъ твердого камѣня.
Стѣль — спорый камень въ самѣй серединѣ. —
Печь — чтыры плиты, при самѣй верниці,
И лавы зъ тогожь, выжъ нихъ въ скалубинѣ,
На кождый сирятокъ, выгѣдни полицы.
Зъ шувара перѣвъ поплели рогожи,
Сѣтникъ мочарный повязали въ маты,
Тверде рогожевъ застелили ложе,
Матами вкрыли стѣны ѳтъ загаты.
А щобы змякли тверди скалѣвъ брылы,
Мхомъ и сухимъ ихъ листьвомъ пристилили !

На столѣ Крестикъ, знамя обороны,
Що го Нахомій тутъ принѣслъ на шѣ ;
На стѣнѣ побѣчь чудовни Иконы,
Тутъ Спасителя, — тамъ Дѣвы Маріи,
А яко знамя вѣрнаго звычайя,
При нихъ ще образъ Отца Николая.
Всѣо въ пошанѣвку — боклагъ и книги,
Рѣсно зъ васильку звязане кропило,
Щобъ нымъ прогнати рыбака набѣги,
И посвятити кажде нове дѣло.
Щобы прагнуци, зъ чудовного здрою,
Не — пригорщамн черпали напою,
Где зъ скла и глины начиня не видко,
Черпачка зъ тиквы була пійѣстко !
А щобъ въ потребѣ огонь розложити,
На чтырохъ брылахъ шеровои плиты
Суши деревця ѣдно въ друге терли,
Потѣмъ зъ порохнѣ губки си надерли,
Зъ старого бука наломавши чиру,
Скалку кремѣнну здунали подъ мѣру,

А тупымъ бокомъ ножика изъ стали,
Въ каждѣй потребѣ огня си кресали.
А при тѣй ватрѣ щоденни приправы,
Пекли на грани, на каменнѣмъ крузѣ,
Або немавши варенои стравы,
Замѣсть въ горняти — пражили що въ спузѣ.

Тымъ могли прикрый голодъ покоити;
Але, якъ люта потисне зима,
Чимъ тогды грѣшне тѣло приодѣти,
Коли крѣмъ свиты, — нѣ руба нема?
Але той Промыслъ, що живилъ ихъ що день,
Щобы котрый зъ нихъ зъ голоду не згинулъ,
На тверду зиму, и на люту студень,
Приобрѣлъ нагимъ теплу одежину.

ПЕРВШЕ ЗАПОЗНАНИЕ СЯ СЪ ЖИТЕЛЯМИ ГОРЬ.

Жилъ при Манявки урочѣй долиниѣ
Въ многій добытокъ богатый скотарь;
Що зъ трохъ зимовокъ геть на полонинѣ,
Хоть триста дробу выганялъ на ярь;
Того сынъ — легѣнь, гей калина въ лузѣ,
А ще до того въ родѣ одинакъ,
Марнѣлъ и ниѣлъ, валялъ ся въ недузѣ:
Чи гдесъ въ ночи ся чогось перелякъ,
Чи го взяли ся зѣѣдуци уроки,
Чи якусь натху съ водовъ зимновъ спилъ?
Чи даня дали дѣвки маснооки,
Чи му ктось зъ раня стежку подолялъ?
Чи чарѣвницы выучени въ Кливѣ,

Мовъ лѣтавицю на него наслали?
Чи молодицѣ пусты, — чорнобрывки,
Бѣдимъ го зѣломъ гдесъ очаровали?
Чи вовкунъ подтялъ, чи вѣтеръ подвѣялъ,
Чи го пошибли нѣчни опирѣ;
Хоть Отець бѣднѣй незнати що дѣялъ,
Не отгадали мудри лѣкарѣ!
Где? що? нѣтъ вѣсти! радили му люде,
Якъ слѣпый плота ради ся хапалъ:
Тратилъ дны свои волочилъ ся всюди,
И працю свою марно розсыпалъ.
Анѣ знахаръ той, що на небосклонѣ
Рахуе звѣзды и бере въ долонѣ!
Анѣ вѣщунъ той, що передъ зѣрницевъ
Тверди примовы шепче надъ керницевъ,
Кажду злу хвилию въ цѣломъ роцѣ знае,
Съ вѣтромъ, съ деревломъ мудро розмовляє;
Нѣ тотъ вѣдьма, що зъ рання на Юрѣ,
Простоволоса, тай ще безъ сорочки,
Полѣзе комѣть по гладкій фѣгурѣ,
Зубами здойме свячены вѣночки;
А на Купала, коли лопухами,
Обмаютъ стрѣху — она ще при зори
Слѣды збирае, всюди за стопами
Рахуе въ плотѣ кѣле и подпору;
Нѣ чарѣвница и ворожка — нѣколи,
Хоть на науцѣ зубы си приѣла,
Хоть мудра выйшла зъ рыбаковой школы,
Отню въ потребѣ правды не вновѣла!
Хоть до всхѣдъ сонця святой неделѣ
На полонинѣ подъ бердомъ въ обочи,
Девятосильне избирае зѣле,
Въ девяти водахъ другій день полоче,

Потомъ на межахъ, въ пѣвнѣ на вѣвторокъ,
Галузки звяже въ снѣпочки по сорокъ,
Въ новѣмъ горнятку на грани зѣ тернины
Челюсть залѣнитъ и пражитъ до динны.
Що на голову встроивши дѣвницю,
Въ девяти брѣдахъ чернае водицю,
Бропитъ выгоны, пашу и обору,
И пѣдливае, съ набѣломъ коморы,
Що пропастницю студень и горячку
Зеломъ ѡдмые — на лѣсы ѡтмовитъ,
Бабицѣ люти пшономъ ѡтваритъ;
Що замацае черякъ и болячку,
Угѣе искине, на гостецъ примовитъ
Ружу гостцеву ключомъ испалитъ!
Анѣ знахарка, що карты кидаетъ,
И тымъ дѣвчатамъ, котрымъ цвѣтъ маѣвый
Зѣвлялъ на личку, — часъ пооралъ ровы,
Часомъ припадкомъ долю ѡдгадае,
Скутечне зѣле и купѣль порадитъ,
На обѣстя имъ сватачѣвъ спровадитъ;
Въ лица пригладитъ нескусну уроду,
И парубочкамъ голову завернетъ;
Въ тяжкихъ припадкахъ ѡдпукаетъ шкоду,
Знайде злодѣевъ, и згубу обернетъ;
Пѣдганяе всяки перепоны
И покмѣтуе о бездольныхъ доли,
Читаетъ щастье въ пасмахъ на долони,
И ѡдгадуе въ кунакахъ на фасоли!
Вси тоты жоны, розумни до всего
Тоты глубоко учени знахоры
Незнайшли въ своей головѣ нѣчого,
Якъ до здоровля могъ — бы прійти хорый!
Навѣтъ незнали ближше показати,

Коли, — и ѳтки, зъ чіеи руки ?
Мѳгбы журливый Отець опытати
Нуждному сыну скутечни лѳки!
Однакъ ся тратилъ, вышепталъ мошонку,
И не одного суто обдарилъ;
А не знайшовши хорому старунку,,
Ходилъ край свѳта, пыталъ-сь и журилъ —

НАХОДИТЬ ПОРАДУ.

Ажъ гдесъ въ кѳнчинахъ красного Пѳдгѳря
Служилъ при Церквѳ мудровѳщій Дякъ :
Що якъ прокинулъ карты у Псалтыря,
Сробилъ надъ ними якійсь тайный знакъ ,
Потѳмъ на ослѳпъ священновъ игловъ
Помежи карты зъ боку уколовъ, —
Тамъ ся списани стороны втворили,
Где слова Божи правду говорили,
Скоро отрималъ Дякъ съ поклономъ дары,
Заразъ на просьбу Скотаря усильну,
На нѳсъ вложивши честни окуляры,
Игловъ священновъ щастя стрѳбувалъ ,
Отворилъ нею книгу Неомильну
Прочиталъ зъ тоижъ слѳвъ твердыхъ два шары, —
И задумавшись въ голосъ ѳдозвалъ:

„Ты! тѳлько свѳта блуднымъ змѳрилъ крокомъ!
„Але надармо твои всѳ подвиги!
„Менѳ такъ каже указъ сеи книги!
„Що твому сыну лѳкъ паде : пѳдъ бокомъ!
„Якїнсь два мужи зъ чужои краинны,
„Тутъ загостили, — нѳбы въ землю нашу,

- „И гдесь посередъ красной долины
„Осѣли близко твоего салану!
„Якусь тамъ напасть претерпѣли многу,
„Теперь беспечни пѣдъ промысла окомъ
„Жіють спокойно, — вѣрно служатъ Богу
„Въ якійсь пещери, — близко надъ потокомъ!
„Якусь тамъ воду мають дуже силу,
„Чи то зъ керницѣ, чи може зъ рѣки?
„Достъ! книга каже правду неомилну,
„Що тамъ твоему сывови лѣки!
„Сли маешь Вѣру — жичишь добра сыну,
„Офѣруй Богу тяженьку пригону!
„Спѣши до Божихъ слугъ въ тоту долину:
„Дай на Акафистъ! — и освяти воду!
„Але Акафистъ най правлять оба!
„Воду Јордањску зъ Требника старого
„Най святятъ твердо, — кленуть духа злого!
„А вѣруй брате! нѣмъ мине доба,
„Пирснуть завзятой недуги оковы,
„А сынъ твоѣй верне до дому здоровый!
„Лише най воду въ пѣвночи святятъ!
„И кроплять рѣсно ѡтъ чола до пятъ!
„Наѣ книговъ сильно по головѣ бьють,
„А певно злого духа ѡтженуть!
„Ворѡгъ! що слугамъ Божимъ накомъ бронлѣ,
„И ихъ въ дорозѣ тяжко непокоилѣ
„Той очепилъ ся твоей дѣтины,
„И то невинно зъ марной причины:
„Що зъ нихъ єдному дорогу порадиѣ,
„И розлученыхъ до купы спровадиѣ,
„Що вывелъ гостя зъ тяжкой потребы,
„За тое злобный Духъ го обезсилиѣ;
„Але ты! вѣруй, же оружье Боже,

„Цѣлого пекла силу переможе!
„Вѣруй! бо такъ ми книга повѣдав,
„А слово Боже чей не ошукае!

Гейбы му камень тяжкій зъ грудей знялъ
Гейбы му грошей мѣхъ подаровалъ!
Гейбы го разомъ всадилъ на сто коней,
И цѣле щастье, вже трималъ въ долони
Гейбы прибуло тры гурмы овецъ;
Такъ ся товъ радовъ, утѣшилъ Отець!
Гей криломъ птицѣ, — нѣмъ взялось смеркати,
Занѣсь потѣшну вѣсть до своѣй хати;
А одпочивши, — о пѣзнѣй вечери
Съ сыномъ недужнымъ вдаль ся до пещеры!
Але иначе правило Иноче;
Якъ тамъ Дякови казала Псалтыра:
„Щобы святити воду о пѣвночи“
Такъ насъ не учитъ православна Вѣра!
Мусѣлъ радъ нерадъ до рана чекати
И подъ пещеровъ на муравѣ спати. —

Але ще куры вторый разъ не пѣли,
Якъ Черницы гостей пѣснями пробудили:
Бо лишь первоспы легко переспали
Зъ пѣвночи схибнулъ ясный знакъ чепигъ,
Взбуджени заразъ на колѣна впали,
Полунощницу зъ святыхъ чтили книгъ;
Близько розсвѣта, — якъ лучи зорницѣ
Вскрѣсь лѣсь досягли твердыхъ хатки стѣнъ,
Лице умивши водою зъ керницѣ,
Утренный пѣти розпочали Чинъ;
День молодецькій и сонце при всходѣ,
Птичокъ лѣсовыхъ первши голоса,
И житье свѣже въ прекрасной природѣ

Витали ревно дневными Часы; —
Нѣмъ чисту росу вышила мурава
Сонце въ тры жертки надъ лѣсъ по́дишло;
Вже Обѣдницы ѓтницла ѓтправа, —
Бо Литургіи въ скалѣ не було! —
Скотарь, що свѣтло Христовои Вѣры,
Трохи гдесъ зъ людскихъ повѣстей по́зналъ.
И ѓтъ Дяка ся правды изъ Псалтыри,
Другихъ звичаємъ, и самъ запыталъ;
На топѳръ спертый, слухалъ за порогомъ,
И чудувалъ ся въ томъ дивнеькѳмъ дивѣ;
Що Черницѣ вскрѳсь нѳчь розмовляли съ Богомъ,
И въ бѣднѣй хатцѣ здавались щастливи!
Въ головѣ своей, немѳгъ помѣстити:
Якъ можутьъ щастье знати въ Божѳмъ словѣ?
Бо его щастье: „ Кошары, калиты!
Бо єго Вѣра, въ вѳрожокъ примовѣ!
А ихъ пещера, — и притерти свиты!
Въ нуждѣ богатство! — въ голодѣ здорѳвье,
Въ щастю покѳрни, — а въ нещастю сильни,
Правой то вѣры знаки неомильни!
Осмѣлевалъ ся ближше приступилъ,
Здоймилъ кресаню, голову схилилъ,
Повиталъ чемно, якъ газдѣ пристало,
Свое нещастье. що го тутъ пригнало,
Ревными словы Черницямъ розповѣлъ:

„Отцы Духовни! пресвѣтлы коруны!
„Пріймѣтъ ѓтъ мене сердечни поклоны,
„Мене ще вчера зъ вечера сюда
„Темной ночи пригнала бѣда:
„Маю дѣтину сего легѣня
„Едного въ родѣ, якъ едно имя,

- „Того якась ся нужда оченила ,
„Зсушила тѣло , и кости звялила ,
„Отъ! ковириѣ , злиднуе свой вѣкъ ,
„Нѣкто не може трафити на лѣкъ ,
„Вжемъ находился , по свѣтѣ ци и мало ,
„Где кто що каже , — трѣбую , пытаю ,
„Але на дармо працю розсипаю ,
„Майже ми далѣи , и дорѣгъ нестало ;
„Вже обыйшоль емъ цѣлѣське Пѣдгѣрье ,
„Где прииду каждый говоритъ инакъ ;
„Ажъ геть далеко въ православномъ мѣрѣ ,
„Знайшоль знахарь ся , — сѣдоглавый Дякъ ,
„Що якъ прокинуль карты у Псалтырѣ ,
„Вычиталь зъ неи и порадиль такъ :
„Щобымъ шукаль ще тутъ у Васъ помочи ,
„Далъ освятити воду во пѣлночи ;
„Казаль: що нѣмъ ся тричи день оберне ;
„Сынъ мѣй зъ рукъ Вашихъ здоровый поверне !
„Того я въ вечеръ калаталь у двери ,
„Щобосьмо заразъ приступили къ справѣ ,
„Але Вы спали посередъ нещери ,
„И отворити , не були ласкави ,
„Але теперъ хотъ мною не гордѣтъ ,
„Хорому сыну воду освятѣтъ !
„Тверду Јордањску зъ Требника старого !
„Лишь му здоровѣе первше привериѣтъ ;
„Дамъ Вамъ маетку половицю своего !
А призвавши бѣльше чемныхъ слѣвъ ,
Всѣ гадки свои Чернцямъ розновѣль !
На тое Чернцѣ таке рекли слово :
„Житье Иноче до послугъ готове ,
„Святити воду , есть Церкви правило ,
„Молитвы Божи дають хорымъ лѣкъ ;

- „Но щобъ ся тое въ полночи чинило ,
„Того неучить церковный Типикъ ,
„Шукати Бога за порадовъ Божка
„И куповати грѣшми Божій даръ ,
„Святити воду , бо каже ворожка ,
„Або зъ Псалтыря читае знахарь ;
„Вѣруй ! тымъ путемъ до Бога не зайдешь .
„Богъ такой справѣ не наклонить слухъ ;
„Лѣвовъ для сына хорого не знайдешь ,
„Грѣху не злякнешь злолюбивый духъ !
„Бо и знахарь той , що радилъ зъ Псалтири ,
„Гейже немає самъ правои вѣры ,
„Щось отъ Архора мусѣлъ гдесъ зачути !
„И въ тымъ , здаеся , тебе збаламутилъ !
„Сли маешь вѣру , але вѣру праву ,
„Сли - сь православный дѣломъ Крестьянинъ ;
„Сли - сь крещенъ духомъ по церкви уставу ,
„И въ тѣмъ обрядку твоѣи зрастае сынъ ;
„Въ передъ годить ся душу очистити ,
„Грѣхи чрезъ тайну Сповѣди вповѣсти ,
„А тогды воду хорому святити ,
„Въ чистотѣ сердца и въ правѣи совѣсти ;
„Съ тымъ живу вѣру розумно случѣмъ !
„Не въ нашу мудрѣсть , — але въ слово Боже !
„Сильну надѣю разомъ получѣмъ ,
„Не въ часѣ ночи , — не въ рѣснѣмъ кропалѣ ,
„Не въ твердомъ словѣ , — въ Требнику старѣмъ ,
„Але , въ молитвахъ , — але въ Божѣи силѣ ,
„И въ постѣ , натще воду освятѣмъ ;
„Постъ и Акафистъ , и вода поможе !
„Заплату брати ? То пуста мамона !
„Бо ласка Божа не мае цѣны !

„Примѣръ страшливый, волхва Симеона,
„Смерть нечаянна огидной вины!
„Сли хвалу Божу хочешь помножити:
„Богъ прійме жертву, що зъ сердца походить;
„Сли дашь чимъ нашу наготу прикрити,
„Прыймемъ съ подяковъ, и Богъ надгородить

Розумне слово, що зъ усть Черницѣвъ плыло,
Вдячно скотаря пріялъ умъ здоровъ!
Въ головѣ свѣтло правды розсвѣтило,
И Божа сердце загрѣла любовь!
Бо нескажена простота природна,
Ложнымъ облестнымъ мудровањемъ свѣта,
Якъ буйна нива, дѣтъ терній свободна,
Сли ю дощъ теплый скропитъ середь лѣта;
Всѣяне зерно буйнењко изродить,
Працю рукъ нашихъ встокротъ надгородить!
Око веселе и бесѣда мила,
Що прикрашала Инокѣвъ лице,
Плоху несмѣлѣость въ немъ розсмѣлевила,
И що лишъ зналъ где, выновѣлъ имъ все!
Зъ повѣсти тои повзяли Иноки
Вѣдомѣсть лучшу недоступныхъ гѣръ:
Же въ тыхъ долинахъ, въ тѣй пуци глубокой,
Христа незналъ ще первобытныи мѣръ!
Що ся невиннымъ тымъ дѣтемъ природы,
Черезъ Крестъ святыи Небо не отверло,
Вскрѣзь густы боры до ихъ загороды
Свѣтло правдъ Божихъ, ще ся не продерло.
Що манѣвцями въ темностехъ блудили,
По невѣрствія зводливыхъ стежкахъ,
И офѣрами мертвыхъ Богѣвъ чтили,
Правды шукали въ ложныхъ ворожкахъ,

Обѣтцалъ далѣй святыми водами,
 Обмыти съ сыномъ первородный грѣхъ
 И зъ гѳръ сосѣдѳвъ своихъ громадами,
 Въ крестъ святой разомъ ввести всѣхъ,
 Бо всѣмъ былъ знаный, якъ газда статечный,
 Человѣкъ правый сотный богатырь.
 Не робилъ кривды, и не суперечный,
 Малъ имя честне вздовжъ и въ ширь!
 На его раду, и розумне слово,
 Найдтвердше сердце змягкнути готово!
 Тогда Пахомій водою зъ пещеры
 Скотаря съ сыномъ рѣсно обылялъ,
 И крещеніемъ прилучилъ до вѣры,
 Въ живота вѣчну книгу записалъ:
 Заразъ взяли ся грѣхѳвъ сповѣдати,
 Якъ Апостоельскій насъ учить уставъ.
 Такъ слуга Божій въ невинности шаты
 Двохъ людей грѣшныхъ на ново прибралъ;
 Потѳмъ слабого посадилъ на плиту,
 И святу книгу ревно розтворилъ,
 Щобы прогнати хоробу завзѣту,
 Зъ сердца ся съ братомъ помолилъ.
 И Акафисты въ двѳйку ѳтспѣвали,
 По святѳмъ Церкви восточной звычайу,
 Въ ползу слабому для Божой хвалы,
 И Спасителю и Отцу Николаю;
 Скоро недугу твердо запритили,
 Духа заклиали молитвами строго,
 Рѣсне кропило въ керници змочили,
 И въ Тройци знамя скропили слабого:
 Поточилъ пѣну и напружилъ жилы,
 Зацѣпилъ зубы и на землю впалъ,

Крикнулъ — ажъ стѣны хатки задрожели!
Такъ ся Духъ зъ него злобный одозвалъ:

„Тутъ мя найшлисте вороги тяжеьки!
„Ще передъ Вами сей разъ утѣкаю;
„Але си тямте! До вѣка отъ ныьки
„Тяжеьку кривду Вамъ поамятаю!
„Хоть — есте въ Кливѣ — гнѣздо намъ розбили,
„Претцѣ якосъ мы на свѣтѣ жиємъ!
„Вамъ за хлѣбъ, хлѣбомъ будемо платили,
„Где прійде прикро, и помоуць знайдемъ.
„Якъ: „Помагай Богъ!“ Такъ: „Богъ дай здорови!“
„Не мы васъ первше зачепили претцѣ!
„Рыбакъ съ челядковъ служити готови,
„А таковъ ласковъ згордили Вашецѣ!
„За все Вамъ съ лихвовъ отдати готови,
„Хоть ся замкнете въ той твердой скалѣ.
„Теперь идемо! — Бувайте здорови,
„А напишитъ си память на чолѣ!

УЗДОРОВЛЕНІЕ.

Тогда недужный поднѣсь ся зъ подлоги,
Веселымъ окомъ въ коло подивилъ;
Черствый, здоровый сталъ рѣзко на ноги,
Гейбы руковъ му слаббость отдоймилъ!
Уста котрыми выголосять слови?
Якими барвы змалюе маляръ?
Якъ свое щастье повиталъ здоровый?
Въ якой утѣсѣ розилмыль ся скотаръ?
Оба съ подяковъ колѣна згнули
И цѣловали слѣды Чернецѣвъ ногъ

Зъ саквѣвъ богаты дарунки добули
И выкладали рядомъ на облѣгъ. —
Але Инокамъ шлюбы ихъ закону
Забораляютъ достатки — роскоши:
Тѣла выгоды, и свѣта мамону,
И тлаусты стравы — и труновъ и гроши. —
Зъ тогожь ся гостѣ дуже чудовали,
Же ѳткнули ихъ даръ знакомитый,
Що зъ всѣхъ достаткѣвъ заледво приняли,
Лишь кѣлка пядей поставу на свиты;
И збанъ олюю — торбу сушенины
Зъ шкѣрокъ овечихъ тепли одежины —

Ктожь сподѣвалъ ся, що въ такѣмъ завзѣтку
Програють справу побѣждени духи? —
Замѣсть пагубы послужатъ къ пожитку,
И справлятъ Чернцямъ на зиму кожухи?
Такъ уже мали: обхищену хатку,
Достъ поживлѣня, — выгоды — питья.
На противъ зимы, противъ недостатку:
Всѣо, чого коьче треба до житя.
На тыхъ добыткахъ малыхъ приставали,
Въ нуци щастливи, въ ницетѣ богатѣ:
Чимъ меньше мали, тымъ меньше жадали,
Майже щастливши, якъ въ свѣтлой палатѣ!
По службѣ Божѣи обѣдъ зъ сушевины,
И що Богъ ще далъ на скупѣмъ столѣ
Зѣбли съ подяковъ въ половици днины
Жажду гасили въ чистомъ жерелѣ.
Потомъ сѣвшили до дневной роботы
По летомъ нѣбы шибколетныхъ крылъ;
Бо жива вѣра додада охоты,
По каждомъ трудѣ ѳтновленныхъ силъ.

Таки початки ихъ житья въ пустыни,
 Нѣмъ збудовали свѣтлый Монастырь.
 Тутъ величавой корень деревины,
 Въ котрой тѣни, днесъ ще рускій міръ
 Держитъ сохранны праотцѣвъ спустизну,
 Бо вже вѣками до неи навикъ :
 Милуе Вѣру и любу отчизну,
 Звычай родимый, матерный языкъ !
 А кѣлько разы въ задумцѣ тужливѣй
 Недолевъ сцѣпле чувство розяритъ ;
 И погадае, — якъ враги страшливи,
 Зъ той деревины обрывали цвѣтъ !
 Якъ розложисти галузи, конары,
 Що въ поднебесни мовъ сягали хмары,
 Оть пня ѡдтяти въ чужихъ рукахъ звяли,
 При земли низко голый пень лишали !
 Якъ западного завзятость, заливу
 Кукѣль виценила въ отеческу ниву
 Щобъ похланувши плодоносни щиты,
 И пень и корень съ ошумомъ скрушити ;
 Сли перегляне всей недолѣ сборъ,
 Срѣвнае днешне съ тогдашнимъ въ примѣрѣ ;
 Тогды мимохѣть зъ утисненной груди
 Тоскъ ся сердечный въ ти слова добуде :

„Свата простото ! невинна дѣтино !
 „Прекрасна дочко изъ лона небесъ !
 „Церкви Христовой перва пѣдалино,
 „Що тя Спаситель на землю принёсъ !
 Ты ! щось уста львомъ крѣпко заградила,
 И притупила остріе меча,
 Желѣзни брамы пекла побѣдила,
 Стерла потугу вражого плеча !
 Перейшлась земли, моря и острова,

Въ огонь снѣшилась, якъ на весѣля!
Голодъ и зиму и тяжки оковы
И смерть понеслась за Спасителя. —
Щось погорджала и Царски палаты:
Золото, серебро, шовки и пурпуры,
Одѣвши тѣло въ волосяны шаты,
Въ скалѣ пещеру влюбилась надъ муры!
Щось передъ славовъ звучащовъ укрита,
Якъ тиха рѣчка по затѣняхъ плыла,
Притмивши правдовъ мудрость сего свѣта,
Престолы ложныхъ Богѡвъ розвалила!
Щось свѣтло правды по земли кѡнчинахъ
Якъ солнце лучи рѣсно росточила.
На скалѣ церковь въ мѡцныхъ пѡдвалинахъ
Малыми средствами вѣчно заложила!
Щось зъ малоумныхъ творила Реторей,
Словами усть ихъ мѡръ весь просвѣтила;
Плохимъ въ грудь вляла мужество Рыцарей,
Тмы гонителей славно побѣдила!
Гдежъ вѣковъ давныхъ твоя Божа сила?
Вѣнцы побѣды где надъ сушестаты?
Свята прѡстото! гдесъ ся нынѣ дѣла!
Въ котрыхъ ты земляхъ пѡдъ солнцемъ шукати?
Ци, где въ пустыняхъ глухихъ пустельники
Богу служили много лѣтъ?
Але тамъ нынѣ штахъ и звѣри дики!
Каждый ѡтъ пуци сторонить!
Цы въ тыхъ пещерахъ, куда любовь Бога
Бѣдныхъ Инокѡвъ занесла?
И до тыхъ нынѣ вузовъка дорога
Терьомъ и глогомъ заросла!

Ци въ Монастыряхъ , где побожность цвила ,
Каждый булъ знаный зъ добрыхъ дѣлъ? —
Але и тамъ давна ревнѣсть вже застыла ,
Духъ ся закона измѣнилъ !

Ци въ тѣспой келли , тихонокѣмъ затѣню ,
Где читали Божихъ книгъ слова ?
Але и тыхъ мѣстце въ новѣмъ поколѣню ,
Занила мудрѣсть свѣтова !

Ци въ одежинѣ зъ шерстко тканой санты ,
Що крила нагѣсть грѣшныхъ тѣлъ ?
Але и тамъ шовки , дороги свиты ,
Часть моднымъ кроемъ въ сукню зышилъ !

Ци въ твердѣмъ ложу зъ каменной плиты ,
Що го крилъ мохъ и листь сухій ?
И того нынѣ красно застелити
Служатъ коверцѣ и пухъ мягкій !

Ци въ той хатинѣ , где зъ четины стрѣха .
Стѣлъ , лавы — плита — двери — лѣмъ ?
Натомѣсть меблѣ съ магоню , — орѣха ;
Въ барвахъ — въ позлѣтцѣ цѣлый дѣмъ !

Ци въ томъ обѣдѣ безъ миски и лижки ,
Що разъ на добу голодъ бралъ ?
Але и тамъ кухарь выученый зъ книжки ,
Кладе богато тлустыхъ стравъ !

Ци въ тыхъ потокахъ — въ студеней керницѣ
Где чистый жажду гасилъ плынъ ?
Нынѣ въ ихъ мѣстце вглубоки пивницы
Трѣщатъ бочками меду , винъ !

Ци въ тихъ сандалахъ плетеныхъ изъ лыка
Що слѣдъ лишали босихъ пять ?
Тамъ красни конѣ , — маьована брыка ,
По гладкимъ бруку , въ чваль гремятъ ;
Ци въ тыхъ убогихъ , що не хтѣли брати ,
Поклѣнъ маленькій зъ скотаревыхъ рукъ ?

Нынѣ кобъ можна тысячи собрати ,
Заглушить совѣсть мѣди , сребра звукъ !
Ци въ трудолюбныхъ , що въ дусѣ покоры ,
Сѣбрали въ Церковь цѣлый свѣтъ ?
Нынѣ , хотъ повни наемникѣвъ хоры ,
Не выдасть плодѣвъ пустый цвѣтъ !
Ци въ святой цютѣ , що якъ Ангелъ въ плоти ,
Посту , молитвѣвъ стерегла ?
Нынѣ въ выгодахъ и тѣла похоти ,
Сама покусамъ улягла !
Ци въ вѣрующихъ що передъ ихъ словы ,
Втѣкаль зъ недужныхъ духъ проклять ?
Днесъ му злымъ дѣломъ служити готови ,
Тѣни его ся всѣ боять !

„Свята простото! гдежъ есь ся подѣла?
„Чимъ надгородимъ жалѣстни утраты?
„Въ котрыхъ ты земляхъ пѣдъ сонцемъ шукати?

Такъ нашъ Игумень лѣтъ минувшихъ згадку,
Ревно спѣмнувши зъ первого початку,
Грѣсными слезы бороду скропилъ ,
А , же близъ було половины ночи,
И сонъ дрѣмотовъ клеѣлъ гостямъ очи,
На нынѣ свою повѣсть закончилъ !

„И намъ тутъ скучно гостеьку мѣи милый!
„Квочка надъ нами , пѣзна вже пора!
„Холодни кропли росы насъ скропили ,
„Вже гдесъ глубоко вечерня зоря!
„Ходѣмъ спочити до моеи хатки ;
„А нѣмъ , симъ трудомъ знуженный уляжу ,
„Якъ - емъ Скита тутъ ошовѣлъ початки ,
„Дальшу тамъ долю тыхъ мурѣвъ розкажу , —

„Посилкуемъ ся трохи даромъ Божиимъ,
„Сли насъ сонъ зломить — на завтра ѓтложимъ!

Такъ честный старецъ нѣдъ гущевъ въ долинь
О Скитѣ повѣсть закончилъ на нынѣ;
Обѣцялъ далѣи порядкомъ сказати,
И потягъ гостя на нѣчляхъ до хаты.

КОНЕЦЪ ПОВѢСТИ ПЕРВОЙ.

Примѣчанія.

1. Скитъ Манявскій. Розвалины колись общежительныя Лавры Чина Святого Василя Великого, въ Староствѣ Галицкомъ, а нынѣ въ окрузѣ Ставѣславскомъ, у подножья отраслей Бескида, на восточно-южной сторонѣ потока Манявки, впадающаго годину дороги ниже до рѣки Быстрыць. — Основанъ подля вѣроятныхъ преподаній изустныхъ въ другой половинѣ 13го столѣтія, або може и скорѣйше, — существовалъ до 1783. года, въ котромъ высочайшимъ повелѣніемъ Юсима II. Черны, въ благочестіи несоединенномъ до конца пребывши, Монастырь той опустили и по всюда розійшлися, — сама же величественна будовля къ запустѣнію нахилати почала ся.
2. Подгорска Краина. — Подгорье, зоветъ ся часть Стрыйского, Станѣславовского и Коломыйского округа, протягающая ся отъ границы угорской до Днѣстра.
3. Клива. Многи вершки горъ именують горяни Кливами; якимъ именемъ сливетъ такожъ одна зъ найвыжшихъ горъ при источникахъ Быстрыць меже селомъ Пороги зъ Галицкои, а Брустурыми зъ Угорской стороны. — Друга менша, але дуже стромка Клива стремить надъ Быстрыцею межи селами: Кричковъ, Яблонковъ и Раковцемъ; отстоятъ отъ Скита майже милью дороги, въ простомъ протяжѣ, на западъ, — а въ ѣи боцѣ снаходять ся къ западу зѣвающии такъ зовими: „Брусни двери“ майже 50. сажней высоко надъ рѣкою, въ сторцомъ спадающей стѣнѣ.
4. Попада, иначе Быстра, або Сивуля, найвыжша зъ горъ, въ цѣломъ пасмѣ Бескида отъ вершинъ Сяна въ Сяноцкимъ, ажъ до Черногоры въ Коломыйскомъ. У ѣи подножья починають ся: Ломница найзнагнѣйша зъ рѣкъ Подгоря; двѣ Быстрыць, коіри по ниже Станѣслава случаютъ ся; всѣ тии плывуть къ сѣверю, и въ Днѣстеръ упадають; — на юж-

нѣй сторонѣ мяють при той горѣ свои жерела потоки и рѣчки сплывающїи до Тиссы.

5. Манява, село на рѣчцѣ тогожь имени, протягле отъ розваливъ Скита, горѣ рѣкою помежи двѣма пасмами верховъ; powyжь села снаходитъ ся славутиый водоспадъ, прывабляющїй до себе въ новѣйшихъ часахъ, особенно лѣтною порою богато гостей. Въ самомъ селѣ существовала до недавна баня сольна, нынѣ залишена; мальовническїй крайобразъ того села, и помянутыхъ окрестностей удостоилъ ся киста искуснѣйшихъ живописцевъ, украсившихъ нѣкоторя письма повреженнїя польскїя.
6. Ватажко, ватагъ, пастырь овецъ (овчаръ). Си то ватажки суть творцами, або принаймѣе челными пѣвцами тыхъ пречудесныхъ, ревныхъ идѣлическихъ пѣсней, котри Коломыйскими называемо.
7. Скитець потокъ, зливающїй ся отъ восточно-южной стороны въ Манявку: сбераеть ся изъ жерель на верховинѣ села Ба б ч е, на граници отъ Бѣтъкова; полоче муры Монастыря, и нынѣ стоитъ на немъ мостъ зъ тесаного камня. Его то вода, по преподаванїю изустному маза переважити воду Кїево-печерску.
8. Кромѣ Монастыря „Скита“ на потоцѣ Скитци, и Церкви Монастырской Воздвиженїя Честного Креста, обрѣтавшей ся межѣ мурами въ серединѣ стояла по близко притикающимъ сѣверномъ вершку, Церковь Вознесенска, а на отлежащемъ далѣй къ южной сторонѣ верху, зовимомъ „Кониюковата“ за садомъ Монастырскимъ, зъ которого ще и нынѣ колькадесятъ деревинъ о половинѣ сухихъ находитъ ся. — Церковь „Преображенска; при обохъ были сады, — и Келли Чернцей чергою коло тыхъ Церквей стражъ отправляющихъ. — О третей Церковци при жерелахъ Скитца, повѣсти не согласуются, бо не долгое время существовала, вже передъ вѣками заустѣла, едни звать ю „Святяя Тройцы“ инни „Пророка Или.
9. Блаженный Камень; подля повѣстей, первый притулокъ, Чернцей закладающихъ основанїя Скита, отдаленъ полъ чверти милѣ отъ муровъ Монастыря, надъ Скитцемъ въ сѣверномъ березѣ: видко въ немъ дѣло природы оброблене трохи руками человекскими.
10. Подробныя имена, басней, предсудовъ и суевѣрїя народного, въ семь дѣлѣ обрѣтающїя ся, або зъ описовъ або самого току розказованїя дадутъ ся зрозумѣти и отгадати.
11. Маплу зрѣлища розказываемыхъ дѣланїй и крайобразъ самого Скита, при слѣдующихъ частехъ сего пѣснотворенїя прилучити невалишу; понеже недостатокъ искусныхъ дѣлателей, тутъ приреченїе сіе исполнити, учили нѣ невозможнымъ.

С П И С О К Ъ

имень и достоинствъ Господинѣвъ Предплати-
телей на I. Часть Скита Манявского.

Его Превосходительство Метрополитъ и Примасть Галиціи,
Господинъ Міханлъ Левицкій.

Его Преосвященство, Епископъ Перемыскій, Господинъ,
Григорій Яхимовичъ.

Всечест. Докторъ Г. Григорій Гивилевичъ, Крылоша-
нинъ въ Перемышлѣ.

Всечест. Г. Теодоръ Лукашевскій, Крылошанинъ въ Пере-
мышлѣ.

Преч. Михаилъ Брыльскій, Крылошанинъ почестн. и Па-
рохъ Старого Села.

Г. Петро Щербиньскій, ц. к. побирчій подати въ Ряшовѣ.

Ч. Яковъ Черлюнчакевичъ, Парохъ Олешичъ.

Ч. Симеонъ Плешкевичъ, Парохъ Улазова.

Ч. Викторъ Киверовичъ, Парохъ Заполова.

Ч. Теодоръ Гарасимовичъ, Парохъ Дубовець.

Ч. Антоній Бобѣкевичъ, Священникъ

Преч. Корнелій Левицкій, Намѣстникъ Галицкій.

Г. Кѣяньскій, Посадникъ Магистрату Галицкого.

Ч. Бѣлецкій, Парохъ Тустаны.

Ч. Кѣпуновскій, Священникъ зъ Пацькова.

Ч. Романовскій Евдоксій, Парохъ Сопова.

- Ч. Янѣковскій, Парохъ зъ Березова.
 Ч. Рудеѣскій, Парохъ зъ Княждвора.
 Ч. Кобриѣскій Јосафатъ, Священникъ зъ Мышыны.
 Ч. Кобриѣскій Јоаннъ, Свящ. зъ Яворова.
 Ч. Каратницкій, Священникъ зъ Стовпчатова.
 Ч. Шлемкевичъ, Священникъ зъ Акришоръ
 Ч. Дрогомирецькій, Священникъ зъ Космача
 Ч. Блѣвскій, Священникъ зъ Садокъ.
 Ч. Колянковскій Свящ зъ Рунгуръ.
 Ч. Бобѣкевичъ Альбинъ зъ Васючина.
 Ч. Михаилъ Рожанковскій, Парохъ Залѣщикъ.
 Ч. Јоаннъ Раковскій, Пар. Блюдникъ.
 Ч. Пиполітъ Канубиѣскій, Пар. Острова.
 Преч Г. Шанковскій, именемъ Деканату Станиславовского
 Г. Кобляѣскій, Священникъ зъ Нѣмшины
 Г. Левицькій Пиполітъ, зъ Дубы.
 Стефанъ Лукашевичъ, Дякъ зъ Тустаны.
 Ч. Кропивницкій, Парохъ Бучача
 Три ексемпляри по три части изъ Виснича.
 Деканатъ Холоевскій на 12. ексемпляровъ.
 Деканатъ Комареѣскій
 Ч. Јоаннъ Кизима, Священникъ.
 Ч. Питомци Львовского Семинар. 10. Екз.
 Г. Гаврышкевичъ.
 Г. Григорій Чваргацькій.
 Г. Кулачковскій, Ученикъ Гимназіи.
 Г. Красѣцькій, „ „ „ „
 Г. Геровскій „ „ „ „
 Всечест. Г. Докторъ Јоаннъ Пльницкій, Профессоръ и Ви-
 церекторъ Семинариі.
 Г. Завадовскій.
 Деканатъ Буцацькій на 14 ексемпл.
 Ч. О. Василяне Буцацькіи на 3. ексемпл.

- Ч. Левицкій Лука изъ Бельза ,
Ч. Половый, Священникъ
Ч. Дуткевичъ изъ Росуль.
Ч. Величковскій изъ Солотвины.
Ч. Глиньскій зъ Городницы.
Ч. Иванъ Копестыньскій.
Г. Михаилъ Поляньскій
Г. Климентъ Заржицкій Семинаристъ.
Г. Антоній Солтыкевичъ.
Бсечест. Г. Барвѣньскій, Крылопанинь.
Г. Заржыцкій.
Г. Петро Федоровичъ.
Преч. Навликовъ, Парохъ зъ Бережанъ и пр.
Ч. Заруцкій изъ Ивановки зъ Скалатського Д.
Г. Гаврышкевичъ.
Г. Домчевскій.
Г. Романъ Ковшевичъ.
Преч. Антоній Добрянскій, Намѣст. и Парохъ въ Валавѣ
Ч. М. Лукашевичъ Священникъ зъ Вышатиць
Ч. Юстинъ Желеховскій, Катихита Гимназіальный въ Пе-
ремышля.
Ч. Мак. Мильковичъ Священникъ.
Преч. Иоаннъ Бѣрецкій, Намѣстникъ. и Парохъ Бахуря.
Ч. Яковъ Досковскій, Свящ. въ Перемышля.
Ч. Андрей Карпильскій, Парохъ Загѳря на 4 экз.
Ч. Скобельскій Иоаннъ, Священникъ.
Ч. Коновалець Михаилъ, Священникъ.
Г. Погорецкій Јосифъ. Семинаристъ Перемыскій
Г. Лециньскій Иоаннъ, Семин. Перем.
Г. Леонтовичъ Павелъ, Семин. Перем.
Г. Будзыновскій Людовикъ, Семин. Перем.
Г. Коссоноцкій Михаилъ, Семин. Перем
Г. Закршевскій Яковъ, Семин. Перем.

- Г. Гордыньскій Адамъ. Семинаристъ Перемыскій.
- Г. Копыцяньскій Григорій, Семи. Перем.
- Г. Кошалкевичъ Петръ, Семи. Перем.
- Г. Косоноцкій Богданъ, Семи. Перем.
- Г. Волошиновичъ Василій, Семи. Перем.
- Г. Аысякъ Жоаннь, Семинаристъ Перем.

100

10

10/10/10

10/10/10

Biblioteka WSP Kielce

0146403